

Евгений СУХОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

НЕПРИМИРИМЫЕ

ЭКСМО

Евгений Евгеньевич Сухов
Непримиримые
Серия «Непримиримые», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=288052
Евгений Сухов. Неприми́римые: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-37395-6*

Аннотация

Плечом к плечу они воевали в горячих точках планеты, вместе ходили в рейды, спасали друг другу жизнь. Но теперь они стоят по разные стороны баррикады. Антон стал человеком вне закона, безжалостным киллером по кличке Карась, а Вадим – законспирированным сотрудником ФСБ. Судьба сталкивает их в смертельной схватке, развернувшейся вокруг газовых запасов России. В ней сошлись все – бандиты, олигархи, высокопоставленные чиновники, разведки разных стран... Когда на кону стоит такой куш, что останется от былой боевой дружбы?..

Содержание

ЧАСТЬ I	4
ГЛАВА 1. РЕДКИЙ СВИДЕТЕЛЬ	4
ГЛАВА 2. ЧИСТИЛЬЩИК	14
ГЛАВА 3. ИНСТРУКЦИЯМИ ЗАПРЕЩЕНО	21
ГЛАВА 4. СНИМИ ТОГО, ЧТО ПОМОЛОЖЕ	34
ГЛАВА 5. КТО ТЫ, «МИСТЕР ИКС»?	53
ГЛАВА 6. ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД, МАЙ...	61
ГЛАВА 6. СПАСИБО, УТЕШИЛИ!	72
ГЛАВА 8. ДЕВЯТЬ ЛЕТ НАЗАД, ИЮНЬ...	87
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Евгений Сухов

Непримиримые

ЧАСТЬ I

ОПЕРАЦИЯ «ГЕРМЕС»

ГЛАВА 1. РЕДКИЙ СВИДЕТЕЛЬ

Через десять минут после того, как прозвучал последний выстрел, в городе был объявлен план «Перехват», в результате которого обнаружили две машины преступников, брошенные ими в проходном дворе всего лишь в нескольких кварталах от банка. Было очевидно, что милиции противостоит весьма опытная преступная группа, знакомая с оперативными мероприятиями, что и позволило ей просочиться через расставленные кордоны.

Еще двумя часами позже была создана оперативная группа, которую возглавил майор Дмитрий Степанов. А еще через полчаса он выехал к месту происшествия.

Как это ни странно, но очевидцев перестрелки было не так уж и много: всего-то три женщины, одна из которых была весьма экзальтированной особой (Степанов нутром чуял, что большая часть из того, что она ему рассказала, ей просто привиделась). И еще один мужичонка лет пятидесяти пяти.

Особые надежды Степанов возлагал именно на него, но, как оказалось, тот при первых же выстрелах спрятался под собственный «жигулёнок», закрыв голову руками. И не выползал из под машины до тех пор, пока, наконец, стрельба не прекратилась. Единственное, что он мог разглядеть, так это обувь пробежавших мимо налетчиков. Как выяснилось, они были в легких светлых кроссовках – весьма удобная обувь, чтобы драпать с места преступления. Информация весьма скудная, если учитывать, что засвеченную обувь можно просто выбросить в ближайший мусорный бак.

Весь следующий день Степанов потратил на то, чтобы выявить как можно больше свидетелей, и, набравшись должного терпения, обходил кабинеты банка, окна которых выходили на проезжую часть.

В подавляющем большинстве опрошенные были женщины. С вытаращенными глазами они рассказывали о том, что под самыми окнами велась нешуточная перестрелка. Две из них, сумев преодолеть природный страх, даже выглянули в

окно, чтобы разглядеть преступников, но никто так и не сумел дать их точного описания. Остальные сотрудники, едва услышав стрельбу, шарахнулись от окон в глубину комнаты и простояли у дверей до тех пор, пока, наконец, не наступило затишье.

Так что проку от подобных показаний было немного. Все же большинство показаний сводилось к тому, что преступников было четверо, один из которых прямо в спину расстрелял подоспевших милиционеров. По всему видать, это был чистильщик. Затаившись в одной из машин, он терпеливо наблюдал за тем, как происходит ликвидация Шевцова, а когда стало ясно, что спланированная акция сорвалась и к месту преступления подъехала передвижная милицейская группа, он спокойно вышел из своего укрытия и расстрелял в спину милиционеров, дав возможность нападавшим скрыться. После чего все четверо уехали на машинах в неизвестном направлении.

Теперь, после того как он представлял общую картину преступления, предстояло вновь взять показания у очевидцев и оставалось только уповать, что в предыдущий раз они подзабыли какие-то детали. Так бывает. Свидетель как будто бы выложился, рассказал все, вспомнил важные подробности, а потом, вернувшись домой, осознал, что не рассказал и десятую часть из того, что видел. Просто увиденная картина по истечении нескольких часов начинает приобретать все более отчетливые формы. Он начинает вспоминать важные

штрихи, какие даже не ожидал, что запомнил. Ничего удивительного – подобный эффект известен давно и называется психологами «эффект прозрения». Так что на него и следовало рассчитывать.

* * *

Первым, к кому пришел Степанов, был тот самый мужичок, который спрятался под машиной. Как выяснилось, проживал он недалеко от банка, так что дорога к нему заняла не более десяти минут пешком.

На назойливый звонок долго не открывали. Своим долготерпением Дмитрий сумел переполошить даже соседей смежной квартиры: в проеме приоткрытой двери показалось морщинистое старушечье лицо с крупным носом, изучавшее его безо всякого смущения долгих пять минут. А когда, отчаявшись, Степанов хотел было уйти, дверь неожиданно распахнулась, и на пороге предстал тот самый мужчина, с которым он беседовал накануне.

Вид у него был помятый, как будто он только что очнулся от многолетней спячки. На лице красными рубцами отпечатались следы от подушки, короткие светлые волосы топорщились, будто намагниченные.

– Э-эх, – невесело протянул он, узнав стоящего на пороге Степанова.

– Можно пройти?

– Пожалте, – отступил в сторону мужчина. – Я думал – жена, – проговорил он, будто извиняясь. – Только она одна так звонит...

– Как так? – удивился майор.

– По-хозяйски, что ли... А тут, оказывается, – милиция.

– Что поделаешь, – прошел Степанов в глубину комнаты. – Работа у нас такая. Сами ведь знаете, что произошло. В нашем деле важна каждая минута.

– Я-то понимаю, – кивнул свидетель. – Вы бы сюда присели, – указал он на стол, стоящий в центре зала, – здесь нам поудобнее будет.

Майор Степанов глянул по сторонам. Комната обыкновенная. Вокруг ничего, что могло бы вызвать удивление или нечаянный восторг. Ровно столько, что требуется в семье, где порой водится небольшой недостаток. Пол выложен паркетом из широких плашек; стол исполнен явно на заказ, с ножками в виде лап животных; стулья под стать ему, такие же массивные, но очень удобные. Над столом низко висела хрустальная люстра, наверняка тайный предмет гордости хозяев. Да вот еще старинный секретер, стоявший около окна. Судя по показной вычурности и бронзовым ручкам, ему было не менее трехсот лет. Наверняка он шагнул из весьма далекой эпохи. В его ящиках и потайных отсеках женщины той поры любили прятать восторженные письма и любовные послания своих тайных воздыхателей. И если покопаться в нем поосновательнее, то можно было бы отыскать где-нибудь между паза-

ми какую-нибудь записку интимного характера.

Заметив заинтересованный взгляд Степанова, хозяин квартиры виновато улыбнулся и произнес:

– Секретер... Французский. Это приданое жены, если так можно выразиться. Ей досталось от бабушки. Говорят, что та была благородных кровей. У нее квартира таким антиквариатом вся была завалена.

– Вижу. Редкая вещь, – сдержанно согласился Степанов. – Иван Петрович, давайте вернемся к нашему делу. В прошлый раз вы мне сказали, что как только услышали выстрелы, так сразу спрятались под машину...

– Верно, – охотно поддакнул Иван Петрович.

– Под свою машину спрятались? – улыбнулся Степанов.

– Под свою, под чью же еще, – обидчивым голосом произнес Иван Петрович, словно его хотели обвинить в чем-то противозаконном.

– А ведь стоянка-то служебная, как вам удастся туда машину ставить?

Глаза у мужичонки хитроватые, стиснутые до двух маленьких пытливых щелочек. Весьма знакомый типаж, особенно часто встречающийся вот в таких серых панельных домах. Бережливый и экономный, не прочь при случае проехаться зайцем в общественном транспорте.

– С охранником я договорился. Не гонит он меня, я ему плачу, вот поэтому и ставлю машину. Немного побольше, чем другие. Вот нам обоим и хорошо. Только вы об этом ни-

кому не говорите. А то куда мне еще воткнуться со своей машиной? Тут за пять километров вокруг поставить некуда. А там как бы и места свободные имеются.

– Не переживайте, – заверил его Степанов. – Не скажу.

– Ну и слава богу, – облегченно вздохнул Иван Петрович.

– Так, давайте начнем сначала. Вот вы подошли к машине, чтобы уехать, а что случилось дальше?

– Только я за ручку потянул, как раздалось два пистолетных выстрела. Это я точно помню. Стреляли из «Глока».

– Как вы сказали? – удивленно протянул Степанов.

– Из «Глока», – озадаченно отвечал Иван Петрович. – Я его звук не мог спутать, у него характерный такой хлопок, как будто бы звук из бочки раздается.

– Интересное сравнение. Так почему же вы об этом раньше не сказали?

– Так вроде бы никто и не спрашивал, – подивился Иван Петрович.

– А с чего вы решили, что стреляли именно из «Глока»? Вам приходилось из него стрелять?

– А то как же! Я ведь на стрельбище до недавнего времени работал, там у нас всякое оружие есть. Два «Глока» имеется, один «семнадцатый», а другой «двадцать первый». Вот и наслушался. Но почему-то большинство предпочитают именно «Глок-17».

– А как же вы на стрельбище попали?

– Это отдельная история, – махнул Иван Петрович. – Я

ведь школу прапорщиков заканчивал, а когда в часть вернулся, так меня определили стрельбищем заведовать. Как только оружие приходило, так я его с солдатами пристреливал. Так что пришлось из многих стволов пострелять.

– Понятно. Так что там дальше было у банка?

– Только он из «Глока» пальнул, тут следом короткая очередь раздалась. Я так думаю, стреляли из «мини-узи».

– Вы уверены?

– Тогда еще сомневался, а теперь точно могу сказать – из «мини-узи». Его выстрел похож на «узи», но не такой громкий. Потому что у него длина ствола покороче. Звук такой, как будто бы маленький щенок тявкает. Но вот укусить может так, что мало не покажется.

– А из «узи» вам тоже приходилось стрелять? – спросил Степанов, понимая, что наткнулся на редкостного свидетеля.

– Не только из «узи», но еще из «мини-узи» и из «Микро-узи». Ну а последний и вовсе малыш, – вдохновенно продолжал Иван Петрович. – С ладошку-то и будет, – растопырил он пальцы.

– И где же вам удалось стрелять из такого оружия?

– Опять-таки на стрельбище, в войсках, – оживленно продолжал свидетель. Чувствовалось, что армейские воспоминания доставляют ему радость. Он как будто бы вновь окунулся в то время, когда был молодым. – Тогда к нам целая делегация военных специалистов приезжала из Израиля. Мы

стреляли из всех разновидностей «узи», а они из нашего «калаша» и из «вала».

– И что? – с любопытством спросил майор.

– Мне так думается, что наше оружие посильнее будет, – со знанием дела произнес бывший прапорщик, – хотя привычка тоже играет большую роль.

– Понятно. А больше ничего такого не запомнили?

– Ничего, – покачал головой Иван Петрович. – Я и это не запоминал, просто само как-то отложилось. Понял, из какого именно они оружия стреляют, и все! Но высовываться не пожелал, сами понимаете, пуля-то, она дура! Возьмет и отрикошетит куда-нибудь в лоб, а под машиной самое подходящее место. Проверено! – усмехнулся он каким-то своим мыслям.

Захлопнув блокнот, Степанов сунул его в карман. Время уходить.

Поднявшись, майор произнес:

– Спасибо, вы нам очень помогли.

На лице Ивана Петровича отобразилось откровенное облегчение. С милицией лучше всего дружить на расстоянии.

– Всегда готов помочь.

Оставалось еще переговорить с тремя свидетелями. Но то – женщины! Вряд ли от них стоит ожидать того, что они разбираются в типах оружия, но вот запомнить неожиданные и важные детали, способные пролить свет на раскрытие преступления, в их характере. Ведь на некоторые вещи мужчина

в силу своего психологического склада просто не обращает внимание. А женщины по своей природе более наблюдательны. Важно только разговорить их.

Первая свидетельница была сотрудницей банка, которая в неурочный час оказалась как раз на месте перестрелки. Начальству она заявила о том, что нужно отвезти документы в налоговую инспекцию. Степанов, привыкший к точности, позвонил в налоговую инспекцию, и, как выяснилось, женщина не появлялась там ни в тот день, когда произошла перестрелка, ни в последующие.

И первое, что майор Степанов намеревался сделать, так это узнать, куда именно женщина отправилась в разгар рабочего дня.

ГЛАВА 2. ЧИСТИЛЬЩИК

Рядом раздалась мелодичная трель мобильного телефона, набиравшая силу с каждой секундой. Пошарив ладонью по стулу, он дотянулся до дребезжащего мобильника, осознавая, что ничего, кроме неприятностей, от столь раннего звонка ждать не стоило.

Нажав на кнопку «ответ», Антон Толкунов – Карась – услышал знакомый звучный голос с легким акцентом, который отчего-то чрезвычайно раздражал его:

– Надеюсь, не разбудил? – услышал он голос Петра Герасимовича.

– Что у вас там? – спросил Антон, стараясь не выплеснуть раздражение.

– Клиент недоволен. Заказ ты провалил.

Карась невольно нахмурился, вспомнив перестрелку у банка. Семена Шевцова спасло тогда только чудо, каким-то образом начальник службы безопасности сумел заметить угрозу и вывести своего патрона из-под обстрела. Подъехавший наряд милиции попытался заблокировать им отход, за что менты поплатились жизнью, а их четверка сумела затеряться среди припаркованных автомобилей и беспрепятственно уехать.

Следовало проявлять выдержку.

– Помешала случайность. Кто бы мог подумать, что как

раз в это время подъедет милиция!

– Все это я читал в милицейских сводках, – прозвучал в ответ усталый голос. В этот раз акцент проявился особенно сильно. – Занятная вещица! Но объяснять ты должен не мне, а тому человеку, который тебе заплатил за работу. А он желает с тобой встретиться.

Карась невольно нахмурился: прежде подобных упреков ему не поступало.

– Не такие уж и большие это деньги, чтобы стоять навывтяжку... Своё дело я доведу до конца и без встречи с ним.

– Послушай, Карась, тебе никто не указывает, как следует поступать. – Теперь его голос прозвучал значительно мягче. Карась мысленно представил одутловатое лицо говорившего и слегка поморщился. – Ты уже взрослый мальчик и волен поступать, как тебе вздумается. Но у тебя имеются определенные обязательства, и ты должен их исполнять.

Мягкий голос давал ложное представление о собеседнике, невольно возникала мысль, что он – человек беззлобный, но действительность была прямо противоположной: чем приятнее звучала речь, тем серьезнее обстояли дела.

– Хорошо, – после минутного колебания ответил Карась, – я приду на встречу. Место прежнее?

– В этот раз другое... Ресторан «Русалка» в сосновом бору знаешь?

– Это у озера, что ли? – беспечно уточнил Толкунов, чутко вслушиваясь в интонации собеседника.

Так уж получилось, что Карась никому не доверял. А свою невероятную живучесть объяснял лишь тем, что умел рассмотреть неприятности там, где, казалось, их не должно быть.

В голосе его собеседника ничего такого, что заставило бы насторожиться. Обращение ровное, никаких ломающихся интонаций, волнения тоже не уловить. Присутствовала лишь некоторая покровительственность, какая обычно наблюдается у людей, облеченных властью. Но это ладно. Переживем!

– Он самый! – бодро прозвучал ответ, будто бы выдохнув. – Будь там часов в девять.

Странное дело, голос прозвучал так, как если бы от ответа Карася зависело его личное благополучие. С чего бы ему так радоваться?

Настороженность вернулась. Петр Герасимович был подозрительно настойчив. За ним вообще не водилось такой особености, как долгие телефонные дебаты: фразы у него всегда рубленые и очень короткие, словно он отдавал приказы.

Конечности вдруг слегка озябли, такое с Карасем случилось всякий раз, когда он чувствовал опасность. Несколько раз он сжал ладонь в кулак – кровь побежала быстрее. Глубоко вздохнув, Карась усмирил её невольный бег и беспечно, как и прежде, произнес:

– Буду часов в девять, – и, не прощаясь, положил трубку. Он посмотрел на часы: два часа ночи. Не самое подходя-

щее время для бодрствования.

Рядом, прижав подушку пухлой щекой, лежала блондинка лет двадцати с поэтическим именем Изольда. Девушка считала его преуспевающим бизнесменом. Да и как ей не верить в это, если едва ли не ежедневно он одаривал её какой-нибудь безделушкой из ювелирного магазина.

Лишать себя подобного удовольствия он не желал – уж как приятно видеть блеск в девичьих глазах, тем более что для него бриллиантовый камушек невесть какие траты.

Разрумянившееся лицо притягивало. На него хотелось смотреть долго. Но вот в чем странность, Изольда ведь не являлась эталоном женской красоты: щеки слегка полноватые, брови излишне широки, нос с небольшой горбинкой, капризные губы тонки, а на выпуклом подбородке намечалась легкая морщинка. Запоминались лишь глаза, взиравшие на мир широко и с девичьей непосредственностью.

Но сейчас они были закрыты.

Прежде Карась никогда не приводил женщин к себе домой: благо, что для любовных упражнений можно было использовать гостиницы, во многих из которых даже не нужно предъявлять паспорт. Квартира всегда была его надежной берлогой, где он мог спрятаться от занозящих душу проблем. Просто хлопнул металлической дверью, повернул ключ на два оборота, вырвал телефонный шнур и наслаждайся вакуумным безмолвием.

Но месяц назад вдруг что-то пошло не по заведенному

графику. Девушку, с которой он познакомился в ресторане и которую воспринимал всего-то как вариант на один вечер, вопреки установленному правилу он пригласил к себе в квартиру.

Глупо было бы думать, что Изольда взяла его в тот раз каким-то неразгаданным девичьим обаянием, или он просто угодил под гипноз её глаз. Причина была до банального проста: за прошедший день накопилась невероятная усталость и у него отпало всякое желание тащиться куда-то в казенный дом. Остаток ночи, пренебрегая изысканным сервисом, Антон решил провести в собственной кровати, чтобы затем, не озираясь на стрелки часов, проспать до двенадцати часов следующего дня.

Девочка задержалась в его квартире на месяц. Но странное дело, у него совершенно не было никакого желания прогнать ее. Наоборот, в совместном проживании он находил все новые положительные моменты. Чего уж там говорить, горячий борщ, стоящий на плите, способен размягчить самое неприступное мужское сердце, тем более если в качестве приправы к нему подается светящееся счастьем лицо женщины. А может, именно с таких малозаметных вещей и начинается совместная жизнь? Потом вдруг окажется, что у них образовалось общее хозяйство и девушка, которую он еще вчера воспринимал как проходной вариант и которой мог в любой момент указать на дверь, уже успела обжиться, врасти в его квартиру и расхаживает по его жилплощади

полноправной хозяйкой в домашнем халатике, купленном в соседнем супермаркете. И вдруг с удивлением ловишь себя на том, что в очередной раз поддался на её уговоры пройтись в субботу по магазинам, совершить, так сказать, шопинг. Но самое удивительное в том, что женщина уже привлекает тебя в качестве основного эксперта при покупке нижнего женского белья.

Возникло чувство беспокойства, его следовало как-то унять. Поднявшись, Карась взял со стула джинсы и рубашку. Оделся. Только после этого поднял телефонную трубку. Набрал номер, услышал лаконичный ответ:

– Слушаю.

Невольно подивился бодрости интонаций (а времени-то без малого уже три часа ночи). Этот человек всегда отвечал таким бодрым тоном, будто не спал вовсе и ждал телефонного звонка.

– Угорь, ты проведаль эту девчонку в больнице, как она там?

– Звонил лечащему врачу, спрашивал, что и как...

– И что он сказал?

– Говорит, что пока без сознания. Потом сходил в больницу. К ней не подступиться. Её плотно охраняют. Мое мнение такое, что лучше к ней пока не соваться. А ведь потом она мало что может сказать. А про кого могла, так его уже нет в живых.

– Угорь, встретимся через полчаса. Есть дело.

– А что за дело?

– Я о Прохоре, его надо забрать.

В разговоре образовалась небольшая заминка, после которой прозвучал все тот же твердый голос:

– Хорошо. Где?

– Я к тебе подъеду, – ответил Карась и тотчас положил трубку.

Обернувшись на спящую, Антон Толкунов неожиданным образом поймал себя на всплеске нежности: будто бы лучик света выглянул из-за кучевых облаков, прожег задубевшую душу радостным светом и спрятался вновь, словно и не появлялся вовсе.

Женщина в доме – это здорово!

Он неслышно прикрыл за собой дверь.

ГЛАВА 3. ИНСТРУКЦИЯМИ ЗАПРЕЩЕНО

У турникета стояли двое охранников с постными физиономиями. Их можно было понять: за прошедшие дни им не однажды приходилось давать показания в милиции, так что очередного опера они воспринимали как напасть. И старались лепить нейтральные физиономии, как будто видели его впервые.

Следовало взбодрить парней. Вытащив удостоверение, майор Степанов подержал его перед глазами одного из них ровно столько, чтобы тот сумел прочесть его фамилию и звание.

В глазах охранника ни малейшего интереса. Им приходилось общаться с чинами и посерьезнее, чем майор уголовки. У одного из них, того, что был помоложе, Степанов даже прочитал сомнение: а соизмерима ли красная корочка тому солидному учреждению, в которое он намеревался проникнуть? Но уже в следующую секунду он уверенно распорядился:

– Проходите... Вы по поводу произошедшего?

Можно было не удовлетворять его любопытство и, слепив казенную физиономию, протопать мимо, но парень глядел дружелюбно, да и тон у него был понимающий.

– По поводу убийства наших сотрудников. – Преодолев

вертушку, Степанов посмотрел на говорившего. Такое впечатление, что он где-то его встречал, вот только никак не мог вспомнить, где именно. А может, казенный типаж, какие обыкновенно стоят у подобных заведений. – А вы в тот день дежурили?

Кивнув, брюнет ответил:

– Как раз моя смена была. Но перестрелку я толком даже не видел. Да и желания особого не было смотреть... Сначала видел, как Шевцов в сопровождении охраны поднимается по лестнице к банку, а потом стрельба началась.

– Не поспешили на выручку?

Брюнет отрицательно покачал головой:

– По инструкциям запрещено. Наша задача состоит в том, чтобы не пропустить подозрительных людей в здание банка. А этими вещами милиция занимается. Тогда мы не знали, что именно произошло, думали, что просто налет. Приказано было бежать ко входу всем, кто находился в этот день в здании. Заняли позицию у дверей, только потом стало ясно, что их цель не деньги, а наш клиент, Семен Шевцов.

– А видеозаписи у вас остались?

– Имеются. Но вы ведь их уже просматривали, – разговор с оперативником начинал его тяготить. Чувствовалось, что он проявляет максимум терпения, чтобы выглядеть доброжелательным.

– Мне бы хотелось получить эти записи, – твердым тоном произнес Степанов.

Лицо брюнета осталось бесстрастным. Некоторое время он просто смотрел на оперативника, как бы оценивая серьезность его намерений и последующих неприятностей в случае возможного отказа, а потом, повернувшись к напарнику, распорядился:

– Гриша, принеси запись.

– Хорошо, – ответил тот, немедленно удалившись.

– А может быть, вы заметили что-нибудь подозрительное накануне, что могло бы привлечь ваше внимание?

Пожав плечами, брюнет отвечал:

– Ничего такого, что могло бы насторожить. Хотя... Нет, так, ерунда какая-то.

– О чем вы? – насторожился Степанов.

– За день до этого в банк заходил какой-то человек. Некоторое время он стоял в холле. Потом подошел к банкомату. Что-то попытался набирать, но так никаких денег и не снял. Вот я только сейчас об этом подумал, не знаю почему, но этот человек мне очень не понравился.

– Чем же?

– Трудно даже объяснить. Интуиция, что ли. Просто веяло от него какой-то опасностью, и все тут! Такое впечатление, что он осматривался, как будто что-то подмечал. Мне это не понравилось, я к нему подошел, поинтересовался, что он делает, но он извинился и ушел.

– Как он выглядел?

– Самое интересное, что толком я его рассмотреть не

успел.

– И все-таки?

Подумав, охранник ответил:

– Мне показалось, что он как-то прятал свое лицо, да и стоял он все время напротив света, – кивнул он на окно, под которым стоял банкомат. – На вид ему было где-то лет тридцать пять. Довольно крупный, плечистый, но сухощавый. Спина прямая, как у военных, с выправкой. Он был похож на строевого офицера.

– Может, запомнили хотя бы цвет его волос?

– Пострижен он коротко. Это точно! Цвет волос... – охранник ненадолго задумался, – какой-то светлый, я бы даже сказал, что пепельный. Но выглядел он очень незаметно, несмотря даже на свои габариты.

– Вы бы могли его узнать?

– Если бы в толпе встретил, то думаю, что не узнал бы. А если бы мне показали его фотографию, то думаю, что я бы его признал. Хотя знаете что, – вдруг воодушевился брүннет, – была у него примета: на правой стороне лба заметный шрам, а в волосах спереди густая проседь. Я еще тогда подумал, кто же его так поцарапал? Обычно такие вещи получаются, когда пуля проходит по касательной.

Подошел второй охранник, протянув диск:

– Вот здесь запись.

– Благодарю. А где здесь у вас кредитный отдел?

– На втором этаже. А кого вам там надо?

– Клару Панкратову.

– А-а, – понимающе протянул брюнет. – Она была так напугана. Такое нам потом понарасказывала. Жалко девушку, переживает очень. Вторая дверь направо.

Поблагодарив, Дмитрий Степанов направился к широкой лестнице. В центре спины между лопатками крепко зачесалось. Майор усилием воли подавил желание задрать рубашку и утолить зуд.

Вот было бы смеху!

* * *

Клара Панкратова, худенькая девушка лет двадцати – двадцати двух, с большими карими глазами, распахнув ресницы, взирала на вошедшего испуганно, словно ожидала от Степанова какого-то подвоха. Волосы заплетены в две небольшие косички, какие можно увидеть только у школьниц.

– Вы меня помните, я из милиции? – на всякий случай произнес Степанов, бегло оглядывая комнату. – Мы с вами уже беседовали.

В комнате ничего такого, за что можно было бы зацепиться взглядом: казенная обстановка с двумя стандартными неказистыми столами, стоящими у противоположных стен; высокие светлые жалюзи. Комнату оживляла лишь мягкая игрушка, лежавшая на стуле. Охотно верилось, что эта де-

вушка играет в куклы, когда нет посетителей.

Расслабляться девушка не торопилась и продолжала взи-
рать на него с таким видом, будто ожидала подвоха. Типич-
ный пример хронической отличницы. Наверняка её косички
еще помнят баловство мальчишек, что сидели у нее за спи-
ной. Отчего-то хотелось подшутить над ней: девушка была
еще в том возрасте, когда сумела бы оценить его шалость.
Но следовало соответствовать.

Степанов улыбнулся, показав крепкие белоснежные зубы.
Дескать, вот он я, во всей красе, кусаться не собираюсь. Кла-
ра ответила легкой, заметно расслабленной улыбкой: опас-
ность пробежала стороной.

– Да. Я помню, – смутившись, кивнула девушка.

– Мне бы хотелось кое-что уточнить. Тут появились новые
обстоятельства.

– Ну, если так, – хрупкое плечико приподнялось, а потом
безнадежно опустилось.

– Позвольте мне присесть.

– Пожалуйста.

Дмитрий сел. Оказавшись в метре от девушки, он почув-
ствовал себя хулиганом, забравшимся в песочницу, где во-
зятся малолетние дети.

– Вы ведь видели того человека, который стрелял в мили-
ционеров? – спросил майор, стараясь придать своему голосу
как можно больше сочувствия.

– Видела, – прозвучал спокойный ответ.

– Как близко?

Светло-русые волосы были уложены в аккуратный пробор, на крохотном носу россыпь бледно-желтых веснушек. Выглядела она незащищенной, как ромашка на строевом плацу.

– На расстоянии нескольких метров. Я как раз подъехала к банку и вышла из машины, чтобы поговорить с подругой.

– Я вот у вас хотел спросить: вы ведь в это время отправились по каким-то своим делам?

– Да, мне нужно было отвезти документы в налоговую инспекцию. Вот когда я возвращалась...

– Я звонил в налоговую инспекцию, мне сказали, что в этот день вы у них не появлялись.

Худенькое личико болезненно дернулось, губы плаксиво поджались, в какой-то момент Степанову показалось, что худенькие плечики заколотятся в горестных рыданиях. Однако ожидаемого не произошло: подняв на майора глаза, она произнесла довольно твердым голосом:

– Да, меня там не было.

– И куда же вы ходили?

– Это моя личная жизнь, и она касается только меня.

– Если дела связаны с убийством людей, тем более сотрудников милиции, то личная жизнь отступает на второй план. Меня интересует всякая мелочь. – Смягчившись, Дмитрий добавил: – Меня интересует не столько ваша жизнь, сколько мотивы, из-за которых вы решили обмануть начальство.

Остроносенькая, рыженькая, отчего-то она напоминала Степанову хитренькую лисичку, забравшуюся в курятник. На искреннюю исповедь рассчитывать не приходилось, следовало держать ухо востро.

Девушка нахмурилась, отчего на её лбу отчетливо обозначилась морщина. Пройдет не так уж и много времени, когда эта морщина углубится настолько, что будет напоминать рубец.

– Я уходила к... школьной подруге, – Дмитрий Степанов понимающе кивнул, всего-то легкая заминка. Фраза была произнесена вполне правдоподобно. – Мы с ней давно не виделись. Не докладывать же о каждом своем шаге начальству... А потом, оно может и не понять.

Открыв блокнот, Степанов произнес:

– В самом деле, чего же говорить... Но мне нужно знать, что это за подруга. Знаете, жизнь частенько откальвает такие номера, что трудно даже представить. Как её зовут?

– Даже не знаю, а стоит ли её вмешивать? – продолжила запирается лисичка.

Несмотря на внешнюю беззащитность, Клара Панкратова оказалась весьма крепкой особой. Именно такие девушки исподволь и очень тонко руководят своими сильными мужчинами, заставляя их впоследствии отказаться от таких важных и необходимых вещей, как систематические посиделки с друзьями в баре и периодические отлучки налево.

– Без этого не обойтись, – заметил Степанов. – Я жду.

– Хорошо, я вам скажу все как есть, – произнесла она, будто бы шагнула в колодезную воду. – В это время я встречалась с мужчиной... Он женат. – На ее лице отразилась гримаса боли.

Степанов поймал себя на том, что ему стало искренне жаль эту хрупкую девушку. Вот так они, сердешные, бьются за свое счастье, интригуют, хватаются за понравившегося мужика, надеясь, что это навсегда. Уговаривают подруг, чтобы предоставили комнату хотя бы на час, отпрашиваются у начальства, подыскивая подходящую причину. А в действительности получается, что они просто обманывают себя: жизнь вносит свои невеселые коррективы и усложняет и без того непростые отношения с мужчиной.

– Ах, вот оно в чем дело, – изобразил Степанов неподдельное сочувствие.

– Мне неловко вам об этом говорить, – тонкая девичья ладонь подхватила со стола карандаш и принялась беспокойно перебирать его пальцами. Заточен серьезно и со знанием дела, но вот у самого основания размочаленное дерево неряшливо торчало во все стороны: очевидно, девушка в минуты душевного напряжения грызла его зубами. – Но мы с ним встречаемся уже два года. Отношения не развиваются, как-то заморозились, и все тут! Когда-то он жил в Москве, но потом вместе с семьей переехал в Питер. Он талантливый архитектор... Там ему предложили более выгодные условия. Приезжает в Москву раз в месяц. Звонит мне, и я, как дура,

мчусь к нему через весь город. Вру начальству, что мне надо немедленно уезжать, договариваюсь с подругами, чтобы предоставили квартиру для встреч. Сама-то я живу с матерью, она меня не поймет... Воспитана совершенно на других принципах, – вздохнула Клара. – И все это для того, чтобы хотя бы немного побыть с ним наедине. Зачем же мне все это надо? Какая же я идиотка! – проговорила она в отчаянии. – Каждый раз даю себе слово больше не встречаться с ним, но как только он позвонит, так я бегу к нему как собачонка! На меня как будто бы накатывает какое-то наваждение. Как только я слышу его голос, так сразу же забываю обо всех своих обещаниях.

– Бывает, – сочувственно кивнул Степанов.

Вот она, мышка-норушка. На первый взгляд ничего примечательного. Обыкновенная. Серенькая. А ведь какие страсти могут бушевать в худенькой груди!

– Вы будете ему звонить? Проверять? – спросила девушка. Её лицо вновь болезненно скривилось, выдавая нешуточные страдания.

Захлопнув блокнот, Дмитрий Степанов демонстративно убрал его в накладной карман рубашки.

– Не буду. Зачем же зря беспокоить. Все прояснилось. Давайте теперь продолжим дальше. Значит, вы успели рассмотреть этого человека?

Переживания сменились облегчением. Жизнь продолжалась, а значит уже легче. Но самое главное: никто не будет

вмешиваться в ее непростые отношения.

Будь они неладны!

– Да, рассмотрела.

– Когда пальба началась, так на меня просто паралич какой-то напал. Я не могла даже пошевелиться, просто смотрю, как они стреляют друг друга, и все! Один из них сориентировался, охранник, наверное, и сумел вывести из-под пуль в машину крупного мужчину. – Степанов понимающе кивнул. Так оно и было в действительности: не окажись Петляков таким расторопным, так лежать бы Шевцову на ступенях банка с простреленным черепом.

– А откуда взялся этот... стрелявший?

– Даже не знаю... Он как-то неожиданно появился, вроде бы из ниоткуда. Подошел к милиционерам со спины и стал стрелять в них. Я поначалу его вообще за прохожего приняла. Мысль такая еще промелькнула, что вот ведь какие у человека нервы, все разбежались, стали кричать, а он ходит себе спокойно, как будто бы ничего не произошло.

– Как он выглядел?

– Высокий, сухощавый. Очень уверенный.

Степанов понимающе кивнул:

– Лицо слегка вытянутое, волосы короткие с густой проседью спереди, а на лбу шрам.

Девушка удивленно посмотрела на Дмитрия.

– Верно. Шрам у него был вот здесь, – и чиркнула по лбу указательным пальцем. – А еще кожа у него была очень су-

хая. Обветренная такая... Так вы его знаете?

Степанов задумался. Судя по описанию, именно этот человек две недели назад расстрелял раненого киллера, покушавшегося на Шевцова, выскочив из-за спин зевак. После чего скрылся за гаражами. Все произошло столь стремительно, что никто даже не успел толком рассмотреть его. Опрошив массу свидетелей, Дмитрий сумел составить о нем лишь обобщенный словесный портрет.

Второй раз он натолкнулся на этого человека, когда разбирался с покушением на убийство Ани Елизаровой – секретарши Шевцова. Как удалось выяснить, выстрел был произведен из окна дома, который стоял напротив офиса. Сразу же после выстрела из подъезда вышел человек, по описанию очень похожий на того, которого упомянула Клара.

И вот теперь выходит – третье покушение. И опять неудачное! Интересно, что же такое сделал ему этот Шевцов, если неизвестный киллер, пренебрегая усиленными мерами безопасности, пытается довести до конца начатое дело?

Скупно улыбнувшись, Дмитрий пояснил:

– Встречаться с ним мне не приходилось... Если бы подобная встреча все-таки произошла, я бы сделал все возможное, чтобы он не ушел; но вот описание его особых примет мне известно. Спасибо, вы мне очень мне помогли, – он поднялся и направился к двери.

– Извините, – негромко произнесла Клара, – а вы правда никому не расскажете... о моем романе?

– Не тревожьтесь, – успокоил ее Степанов. – Пусть это будет нашей маленькой тайной.

Майор вышел из банка, кивнув по-приятельски охране, и зашагал к оставленной машине.

Круг подозреваемых был большой, за долгие годы в бизнесе у Шевцова появилось немало явных, а еще больше скрытых недоброжелателей. В последнее время среди недругов объявилась такая крупная фигура, как Модест Альфредович Курбанов. В правительстве он курировал сферу нефтяной и газовой промышленности, но по оперативной информации не брезговал и заработком на стороне; так, например, он нажимал на Шевцова, чтобы тот включил его человека в совет директоров. Нужно будет поинтересоваться у него об этом напрямую.

ГЛАВА 4. СНИМИ ТОГО, ЧТО ПОМОЛОЖЕ

К ресторану «Русалка», где должна была состояться встреча, Антон Толкунов подъехал на «Тойоте Камри» за сорок минут до назначенного времени. Выходить из машины он не торопился: опустив стекло, осмотрел подходы к зданию, людей, стоящих перед входом (совсем не лишняя предосторожность, когда встречаешься с таким «мутным» заказчиком).

Ресторан располагался на берегу небольшого озера, по водной глади которого, гордо подняв красивые головы, скользили белые лебеди. Построенный в стиле модерн (огромные куски серого гранита, из которых был выложен первый этаж, сочетались с панорамными цветными стеклами на втором), он производил впечатление на каждого, кто видел его впервые, но самое главное – он прекрасно вписывался в густой сосновый лес, вставший позади него ровным строем.

Метрах в трехстах проходила федеральная трасса, с которой порой доносились приглушенные звуки клаксонов, да слышно было, как проезжают большегрузные автомобили.

Вполне подходящее место, чтобы достойно восстановить силы после трудового дня, а то и просто посидеть в дружеской компании за бокалом красного вина. Однако расслаб-

ляться отчего-то не хотелось.

У этого ресторана имелась еще одна особенность: народу там всегда было немного, в подавляющем большинстве – свои.

С противоположного конца озера хорошо были видны подъезжающие престижные легковые авто, из которых чинно, часто парами, выходили пассажиры. Публика здесь собиралась солидная, а потому не стоило удивляться количеству бриллиантов, что украшали женские шеи. Народ понемногу прибывал, и можно было с уверенностью сказать, что где-нибудь ближе к двенадцати здесь будет не протолкнуться.

На первый взгляд ничего такого, что могло бы насторожить. Карась вышел из машины, поставил её на сигнализацию.

У входа в темно-сером костюме и красной бабочке на могучей шее стоял охранник. Еще двое с наушниками в ушах толкались на территории ресторана.

Все как обычно. Похожее можно увидеть во многих заведениях. И все-таки Карася не покидало беспокойство. Уподобившись отдыхающему, он лениво кидал в озеро кусочки хлеба, с интересом наблюдая за тем, как лебеди, рассекая водную поверхность, торопились за очередной порцией угощения.

Это не городские парки отдыха, где они рискуют стать ужином какому-нибудь бомжу. Здесь охрана будет побдительнее, чем та, что охраняет «черный чемоданчик». И к

пернатым относились куда более бережно, чем к полковому знамени, а потому за неуважение к птицам могли отвернуть голову. Так что птицы чувствовали себя в полнейшей безопасности. Жирные, лоснящиеся, избалованные пряностями ресторанной кухни, они достойно хватали размякший мякиш и, как положено величавым птицам, поглощали его неспешно и со вкусом.

Без пяти минут девять к двери ресторана подъехали еще две машины: серебристая «Инфинити» и «Лексус GX 470». Свое внимание Карась сосредоточил именно на «Лексусе» и не ошибся. Передняя дверца со стороны водителя распахнулась, и на брусчатку бодро выскочил моложавый человек лет сорока пяти. Он мог бы выглядеть на пяток лет помоложе, не окажись на аккуратно постриженных висках седина, да вот еще глубокой морщины на лбу, разрезавшей его неровной волной. Следом, явно спеша, из пассажирского салона выскочили еще два человека и зашагали следом за шефом.

Швейцар, стоявший в дверях, любезно распахнул дверь перед новыми посетителями, обозначив на губах нечто похожее на нешуточную радость. Мягко закрылась дверь, и он тут же позабыл о вошедших, уныло уставившись прямо перед собой.

Скормив пернатым последний кусок хлеба, Карась отряхнул ладони и уверенно направился ко входу. Вяло отреагировав на несказанное веселье швейцара, он вошел в зал и направился на открытую площадку, где был зарезервирован

столик.

Модест расположился у небольшого фонтана, уткнувшись в меню. Рядом, почтительно согнувшись, стоял официант с белоснежным полотенцем, перекинутым через левую согнутую руку. Охрана была заметна сразу: держалась особняком, хмуро посматривая на каждого вошедшего.

Сделав заказ, Модест вернул меню официанту, расторопно растворившемуся среди расставленных столов, стульев и немногих посетителей. Заметив Карася, он едва кивнул и небрежно, как это может сделать только хозяин, показал на свободный стул.

Это была их вторая встреча. Первая состоялась две недели назад в кабинете Модеста, где, собственно, Карась и получил заказ на устранение. Тогда ему показалось странным, что заказчик лично захотел переговорить с исполнителем. Теперь он догадывался, что Модест, несмотря на свое высокое положение, был всего лишь рядовым посредником, над ним стояли более весомые фигуры. А следовательно, разговор должен пройти не так болезненно, как это представлялось вначале.

Это кому же Шевцов так крупно насолил, что его решаются грохнуть, несмотря на колоссальный риск!

Карась усиленно копался в собственных ощущениях. Интуиция молчала, будто бы придавленная камнем. Ничего такого, что могло бы указать на опасность. Метрах в десяти от него сидел вполне симпатичный мужик, а улыбка на тонких губах выглядела вполне искренней.

Так же сдержанно поздоровавшись, Карась сел на предложенный стул. Разговор заводить не спешил, смотрел прямо в откровенно строгие глаза Модеста. От первого слова зависит, как пойдет разговор дальше, и Карась, готовый к любому раскладу, не спешил задавать тональность. Всем своим видом как бы подчеркивая: «Ты заказчик, тебе и решать!» Упершись локтями в стол, крепко сцепил пальцы, словно бы демонстрируя добрые намерения: «В ладони камня нет, да и в душе не прячется поганой мыслишки».

– Что пить будешь? – негромко спросил Модест.

– Виноградный сок, – произнес Карась.

– Что так?

– Я за рулем. Не хотелось бы влипать по-глупому.

Модест внимательно посмотрел на собеседника, похоже, что не шутит. Да и до веселья ли? Разговор обещает быть серьезным.

– Хорошо... Возможно, что ты и прав.

Подошел официант. На подносе две порции запеченных ребрышек и картошка фри с соусом. Не бог весть какой изыск, но аромат исходил нешуточный. Намеренно торжественно установил в центр стола коньяк с целой кучей звезд и графин с соком.

– Коньячок... Люблю себя побаловать. Виноградный сок... Присоединяйся! – И, не глядя на официанта, предупредительно застывшего сбоку, снисходительно распорядился: – Давай, дружок, прояви инициативу, плесни мне коньячку.

Вроде бы и сказано негромко, полное впечатление, что в никуда, но голос сразу был услышан. Ловко откупорив бутылку, официант налил в низенькую пузатую рюмку темно-коричневый напиток.

– Может быть, еще что-нибудь желаете? – спросил официант, подавшись чуток вперед.

Именно так и должна выглядеть высшая предупредительность: в казенном костюме и белой бабочке на тощей гибкой шее.

– Оставь нас ненадолго, – пожелал Модест. – Нам нужно переговорить.

– Как вам будет угодно, – поклонился официант и тотчас удалился.

Время приступать к трапезе, но аппетит отчего-то пропал напрочь.

– Вот что, Карась, – угрюмо протянул Модест тоном, не сулившим ничего хорошего. – Как тебе вообще спится-то?

– Хорошо спится, не жалуясь, Модест Альфредович, – негромко ответил Карась, стараясь сохранять прежнюю доброжелательную тональность.

– Кошмары не мучают?

Опрокинув махом рюмку, Модест сморщился, словно вспомнил нечто ужасное.

– А с чего они должны меня мучить? Живу, как и положено. Не праведник, конечно, но и особых грехов за собой не чувствую.

– А меня вот мучают. И знаешь, когда они начались?

Антон благоразумно молчал, почувствовав, что ответа от него не ждут, Модеста потянуло на обстоятельный монолог.

– С того самого времени, как ты ментов у банка положил. Вот, думаю, сейчас двери распахнутся, влетит ко мне в кабинет с десяток мордovorотов и лишит всего того, к чему я так долго полз.

Дурные предчувствия оправдались – разговор, поменяв тональность, скатывался по наклонной. Пространство вдруг стало сжиматься; еще какая-то минута – и оно сомкнется до крохотной точки, в центре которой будет находиться человек, вооруженный вилкой и ножом. Карась почти физически почувствовал, как кто-то словно надавил ему пальцами на виски. Именно так приходит острое осознание опасности.

Антон повернулся в сторону источника напряжения: угроза исходила от охраны, стоявшей в дверях.

– У меня не было выбора, – спокойно заметил Карась. – Иначе меня самого бы положили.

– Твоя стрельба мне дорогого стоила. Мне тут передали, что в круг подозреваемых попал и я. Ты знаешь, что это для меня значит? – Модест отложил вилку с ножом.

Взяв графин, Антон налил в стакан сока и сделал несколько неторопливых глотков. Промокнув влажные губы салфеткой, он небрежно бросил её на тарелку.

– Каждый из нас делает свою работу... так, как может.

– А ты с характером...

– Люди моей профессии, наверное, другими не бывают. Так что же вам от меня надо? Заказ я выполню, волноваться не стоит.

– Вот и отлично! – неожиданно веско произнес Модест. – Это то, что я и хотел услышать.

– Если у вас нет ко мне вопросов, я пойду.

– Что ж, ступай, – пожал плечами Модест. – Ты – свободный человек.

Аккуратно отодвинув стул, Карась поднялся:

– Да, вот еще что, – поднял голову Модест Альфредович, – ты доставил мне некоторые неудобства, а за них нужно отвечать по полной, сам понимаешь. Так что мне придется тебя оштрафовать.

Новость была неожиданной.

– И каким же образом? – поморщился Карась.

– Ты ведь получил только аванс... Вторую половину я тебе должен отдать после устранения. Так вот, я вычту из нее половину.

– Что же это получается, что я должен работать на вас бесплатно, так, что ли? – брезгливо изогнулись губы Карася.

Аппетит у Модеста был отменный: мясо было съедено, и обглоданные косточки лежали неприглядной кучкой. Вот только картошкой он отчего-то пренебрег. Тщательно вытерев руки, он бросил салфетку в блюдо.

– Ты не гоношись, это вредно для здоровья... Сам знаешь, у нас так не принято. Взял заказ, значит, должен довести

его до конца. Проштрафился – будь добр, заплати. – Модест Курбанов говорил спокойно, как бы с пониманием и чуть ли не с сочувствием. Вот только в его искренность верить отчего-то не хотелось. Самый настоящий кашалот. Заглотит целиком, даже косточки поленится выплевывать.

Не сказав более ни слова, Карась развернулся и затопал к выходу, лишь едва задел плечом стоящего у дверей охранника.

Никто его не держал, не кричал обидных слов в спину. Беспрепятственно спустился по ступенькам крыльца и скорым шагом направился к припаркованной «Тойоте Камри». Машина, освободившись от охраны, обрадованно пискнула. Антон никогда не садился в машину сразу. Цепко осмотрел двери и капот на предмет вскрытия: ничего такого, что могло бы насторожить, ни царапины на боковой поверхности, ни приоткрытых стекол. Машина находилась точно в таком же состоянии, как он её оставил. Вот теперь можно и садиться. Запустив двигатель, Карась выехал со стоянки и по узкой наезженной дороге устремился в лес. Проехав метров пятьсот, Карась остановился рядом с небольшим «минивэном», зарывшимся тупым капотом в высокий куст боярышника.

Вышел из машины. Огляделся. Ресторан, спрятанный густыми разросшимися кустами, выглядел очень далеким. Через крону близстоящего дерева пробивался желтый свет люстр. Только сейчас, находясь в лесу, можно было понять, что сгустившиеся сумерки понемногу переросли в ночь.

Оказавшись от ресторана на значительном расстоянии, Карась почувствовал нечто похожее на облегчение. Запоздало явилось ощущение, что он заглянул в пропасть и увидел её дно. Усиливающийся ветер колыхал кроны деревьев. Горящие окна ресторана будто бы играли в прятки: укрывались в густую листву, чтобы в следующую секунду появиться вновь.

Вжикнула дверь «минивэна» и, сверкнув алмазной серьгой, из нутра выглянула патлатая голова Шелеста.

– Что-нибудь есть?

– Кое-что интересное, – взволнованным голосом сообщил Шелест. – Заходите!

Карась зашел в салон автомобиля, закрыв за собой дверь.

– Что там?

– Вам лучше бы послушать, – сказал оператор, протягивая наушники. – Вот, возьмите.

Антон надел наушники. Обстановка в салоне была деловой: через полуоткрытое окно выглядывали направленные микрофоны. Подсоединенные к компактному усилителю (больше напоминавшему обыкновенный радиоприемник), они усиливали звук многократно, трудно было поверить, что записанный разговор происходит на расстоянии более полукилометра.

– Он работает один?

– Не один, – услышал Карась голос Петра Герасимовича. – Их целая группа.

– Вот как? И сколько же в ней человек.

– Утверждать не берусь, но, кажется, человек пять или шесть. Правда, одного человека они недавно потеряли. Кажется, его звали Прохором. Эдакий герой-любовник, он влюбил в себя секретаршу Шевцова, а через нее они хотели достать и хозяина. Но службе безопасности удалось вычислить его и ликвидировать.

– Вот оно что... А я думал, что он не знает осечек.

– Я тоже так думал, но вот видите, случается. Противник тоже не слабый.

– Пять-шесть человек – это немало, получается что-то вроде корпорации, – голос Модеста Альфредовича прозвучал удивленно.

– Именно так.

– Я хочу уточнить: мы заодно?

– Вне всякого сомнения, – уверил Петр Герасимович.

– Тогда у меня будут следующие условия... Поймите меня правильно, слишком много поставлено на карту. Сразу после того, как будет ликвидирован Шевцов, Карася вместе с командой нужно убрать.

В зале заиграла музыка, плавные мягкие гаммы в эту минуту казались особенно раздражающими. Подойти бы да прервать их складный полет, вот только где отыскать этот злосчастный рубильник.

Карась в напряжении ожидал ответа. Что-то он затягивался, и киллеру это не нравилось.

– Хорошо, – после продолжительной паузы кивнул Петр Герасимович. – Пусть так оно и будет.

Музыка удалялась. Мужчины шли на веранду, с которой просматривалось озеро и кусок федеральной трассы. В ресторане народу было немного, а потому они чувствовали себя в полнейшей безопасности.

Карась снял наушники. Вот так все просто. Именно с таких слов начинается предательство. Человеку даже не нужно заламывать руки, чтобы принудить его к измене. Для этого достаточно подыскать подходящие слова.

Дело даже не в личной безопасности, а в том, что в случае неудачи он подставлял под удар людей, поверивших ему.

Так же молча Анатолий Шелест положил на стул свои наушники и терпеливо стал ждать. С вопросами он не спешил, давая возможность Карасю обдумать услышанное. Толкунов скосил взгляд на оператора. Он уже давно сумел убедиться, что у парня колоссальное терпение: ему бы не разговоры записывать, а служить снайпером где-нибудь в горячей точке.

Проблема его группы заключалась в том, что ребята продолжали искренне верить в то, что служат в глубоко законспирированном подразделении ФСБ. Каждый из них рассчитывал, что за ними стоит одна из могущественных структур государства, способная вытащить своих людей из любых профессиональных сложностей. Очень не хотелось лишать их иллюзий и говорить о том, что уповать приходится лишь на собственные силы.

Оператор внимательно смотрел на Карася, ожидая от него приказа. Для него шеф – волевой человек, не знающий, что такое колебание; вот только как объяснить, что его голова буквально распухает от разного рода сомнений.

Разочаровывать Шелеста не хотелось.

– Павел Герасимович давно подъехал? – наконец обронил Толкунов.

– Все это время он был в ресторане.

– Вот оно как... И где же?

– Обедал в соседнем зале, – ответил оператор.

– Интересно, какой у него был аппетит, – Карась невольно усмехнулся.

Хотя, с другой стороны, ничего нового не произошло. Люди способны предать ближнего за сиюминутную выгоду, а что же тогда говорить о том, когда на кону стоит нечто большее, чем гнутый алтын. Да и не был Карась им особенно дорог. Так, некое пушечное мясо, которое не жалко разменять на горсть серебра.

– Я понял так... что встречу они согласовали накануне, и Павел Герасимович просто дожидался конца беседы, поедая свой кровавый стейк, чтобы после моего ухода подвести некоторый итог.

Шелест лишь пожал плечами. Чего же говорить об очевидном?

– Значит, они ждали моего последнего слова. Что ж, будет им последнее слово. Воспользуемся телефонным правом.

Вытащив из внутреннего кармана мобильный телефон, он быстро набрал номер:

– Владимир Васильевич?

– Я слушаю тебя Антоша, что там произошло?

– Модест Альфредович оказался не очень любезным.

– Насколько это серьезно? – прозвучал обеспокоенный голос.

– Настолько серьезно, что он надумал взять с меня штраф.

– Это плохо. – Карась даже представил, как Владимир Васильевич покачал ухоженной головой. – Он позабыл правила. Если человек с молодости не усвоил правила хорошего тона, то вряд ли научится этому в старости. Ты знаешь, что нужно делать?

– Да, у меня есть подходящее решение.

– Тогда приступай.

Отключив телефон, Антон Толкунов взял бинокль и поднес его к глазам. Двадцатичетырехкратное увеличение приблизило двух мужчин, стоящих на террасе. Они, казалось, стоят настолько близко, что до них можно было дотронуться рукой.

Один из них был Петр Герасимович собственной персоной: вальяжные жесты, гордо приподнятый подбородок. Он больше напоминал хозяина, чем обыкновенного посетителя, заглянувшего в загородный общепит, чтобы пропустить пару стаканчиков красного вина под хорошую закуску. Богатый интерьер ресторана со сложной лепниной на потолке и

высокими колоннами, убегающими к небу, только добавляли ему величия.

Придется малость подпортить ему аппетит.

Вытащив телефон, Карась произнес:

– Третий?

– Он самый.

– Видишь двух мужчин, стоящих на террасе?

– Отлично вижу, – прозвучал глуховатый ответ Верзилы.

Карась невольно усмехнулся, подумав о том, что в это самое время тот рассматривает клиентов через оптический прицел снайперской винтовки.

Подняв бинокль к глазам, Карась произнес:

– Сними того, что помоложе.

– Понял, – прозвучал равнодушный ответ.

Мужчины о чем-то оживленно разговаривали, дружно смеясь, и в какой-то момент Карась даже пожалел о том, что не может услышать ни слова из их диалога. Судя по тому, как проходила их беседа, Петр Герасимович находил в Модесте Курбанове весьма занимательного собеседника.

Карась не успел сосчитать даже до трех, как голова Модеста дернулась, словно по ней ударили чем-то невероятно тяжелым (трудно было поверить, что причиной тому может быть всего-то крохотная, в несколько граммов, пуля), и, вскинув руки, он повалился прямо на Петра Герасимовича, прервав свое повествование.

Оптика беспристрастно приблизила испуганные глаза

Петра Герасимовича, ожидавшего повторного выстрела. Его голова вжалась в плечи, сам он ссутулился, будто хотел уменьшиться в размерах. Для него в этот момент бегущие секунды перерастали в вечность.

Из перекошенного рта вырывался страх, сотрясая ором помещение ресторана. В какой-то момент Антон пожалел, что не имеет возможности слышать его истерический вопль. Подскочившие охранники, озираясь по сторонам, потащили остолбеневшего Петра Герасимовича в соседнюю комнату, оставив на террасе бездыханного Курбанова.

– Хороший выстрел, – сдержанно похвалил Карась и отключил телефон. Повернувшись к оператору, произнес: – Все! Теперь нужно уходить. Скоро здесь будет полно народу. Как выбраться отсюда, знаешь?

– Да, – кивнул оператор. – Вот по этой колее через лес.

– Верно. Если что, тебя здесь не было. Вдруг еще начнут разглядывать. Жди моего звонка и никуда не высовывайся, – предупредил Карась.

– Я понял, – ответил оператор, открыв дверь.

В салон дохнуло свежим лесным духом. Не лишая себя удовольствия, Карась дважды глубоко вздохнул, освобождаясь от напряжения. Приятно было ощущать, как кислород заполняет альвеолы и растворяется в крови. Вот теперь можно жить дальше, если ничего более не помешает.

«Минивэн», не включая габаритов, вывернул на колею и покатил по едва различимой дороге. Метров через сто нач-

нется широкая просека, а оттуда дорога разобьется на три направления. Даже если предположить, что кто-то пожелает увязаться следом, так он вряд ли сумеет понять, в каком именно направлении следует ехать.

Выждав минуту, Карась покати́л следом.

Выбравшись из лесной полосы, он остановил машину на обочине. Рядом стремительно проезжали автомобили, торопясь по каким-то своим неотложным делам. Никому из них не было дела до остановившейся на обочине машины. Собственно, как и до снайперского выстрела, случившегося каких-то пятнадцать минут назад.

Оперативники еще не подоспели, а Петр Герасимович уже справился с шоком, так что наступившая минута – самая подходящая для звонка.

Взяв телефон, Карась набрал номер.

– Да, – услышал он сдавленный голос.

– Петр Герасимович?

– Он самый, а кто спрашивает?

– Это вас Карась беспокоит, – бодрым голосом отозвался Толкунов.

– Вот что... Карась, ты выбрал не самое подходящее время для беседы, тут у меня... кое-что произошло.

– Мне известно, – все тем же безмятежным голосом отозвался Антон. – Кажется, Модесту Альфредовичу прострелили голову.

– Но... откуда ты об этом знаешь?..

– Я много чего знаю. И даже знаю, как именно это случилось.

– Так это ты? – голос Петра Герасимовича готов был сорваться на крик.

– Вы нарушили правило, Петр Герасимович, – умиряя клокочущий гнев, произнес Карась. – Своих не сдавать.

– Ах, вот оно что! Ты нас подслушал и остался недоволен результатами беседы... Мне следовало понять, с кем я имею дело. Ну что ж, могу сказать еще раз, что я не ошибся в своем выборе. Ты действительно настоящий профессионал. – Его голос на этот раз звучал вдумчиво. Он уже всецело овладел собой. – Хочу тебе сказать, что это была всего лишь игра, трюк, если хочешь. Нужно же было как-то усыпить его бдительность.

Карась посмотрел на часы. Наверняка к ресторану уже подъехала оперативная группа, и сейчас они определяют, с какого именно места был произведен выстрел. Проследить траекторию пули им не составит большого труда – с водонапорной башни, расположенной по другую сторону дороги. Еще минут через десять они придут к этому месту и поднимутся на крышу. Но вряд ли им удастся отыскать нечто большее, чем пара «бычков», докуренных до самого фильтра (Третий-Верзила всегда был жадным до никотина). Снайпер, упаковав винтовку, уже давно уехал.

Со своей стороны Антон не сделал ни малейшего просчета, что давало преимущество в разговоре.

– Мне бы не хотелось выглядеть нудным, но я не понимаю таких трюков.

– Ладно, давай поговорим с тобой как компаньоны. Модест действительно зарвался, подобное так или иначе обязательно случилось бы... Но я никак не думал, что это произойдет именно сегодня. Кстати, ты запачкал мне костюм.

– Я куплю вам новый, такой же голубой в мелкую елочку.

– Хм... Ну, а если говорить о делах?

– Я открыт для беседы.

– Этот человек нам действительно мешает.

– Свое обещание я сдержу. Заказ остается в силе. Но плата теперь будет двойной.

– И за что же?

– Считайте, что за дополнительный риск. Меня не интересует, откуда именно я получу деньги. Если нет человека, который мне их должен отдать, следовательно, я их получаю от вас. Или у вас имеются какие-то возражения?

– Вижу, что ты настроен по-деловому. Хорошо. Считай, что мы договорились.

– Завтра вечером вам принесут костюм, – Карась отключил телефон.

ГЛАВА 5. КТО ТЫ, «МИСТЕР ИКС»?

Вернувшись домой, Дмитрий вставил диск в компьютер. Судя по тому, как были расположены видеокамеры, руководство банка к безопасности своих сбережений относилось весьма серьезно. Степанов тотчас насчитал три видеокамеры, включавшиеся попеременно. Причем работали они в весьма хитром режиме, автоматически переключаясь на те участки, где было больше всего посетителей и которые могли представлять повышенную опасность.

Дмитрий остановил кадр за пять минут до нападения на банк. Ничего такого, что могло бы указывать на угрозу. На автоматической стоянке, аккуратно выстроившись в ряд, стояли автомобили, среди которых было немало дорогих моделей. На краю парковки устроились машины попроще (тоже иномарки, но классом ниже), но отечественные «Жигули» на этом фоне выглядели почти пережитком.

А ведь человек, стрелявший в милиционеров, приехал как раз на белой неказистой «девятке». Выбор машины для предстоящего дела выглядел стопроцентным попаданием. Обычно на таких машинах раскатывают пацаны – отпрыски богатых родителей, которым папенька купил авто, предоставив право поупражняться в вождении автомобиля, чтобы впоследствии пересадить свое чадо на более солидную тачку.

Второй вариант: в таких автомобилях разъезжают затю-

канные жизнью мужички, не отказывающиеся от удобного случая побомбить на оживленных трассах, чтобы хоть как-то подправить семейный бюджет.

И в первом, и во втором случае никто из них не воспринимается всерьез, а владельцы дорогих авто и вовсе посматривают на такие тачки, как на некое недоразумение. У дорожного инспектора, избалованного щедрыми подношениями, подобные автомобили не вызовут ни интереса, ни хоть какого-то зуда в ладонях: «Что можно взять с терпилы, придавленного многотрудной судьбой?» Любой уважающий себя инспектор даже поленится поднимать жезл, увидев подобный шедевр отечественного автопрома, потому что полученные деньги не оправдают даже самых минимальных энергозатрат. А потому на такие машины практически никто не обращает внимания: ни те, кто зовется участниками дорожного движения, ни те, кто следит за порядком на дорогах. Они как бы становятся невидимыми. Вот из одной такой машины и вышел преступник, вооруженный «узи», и, не колеблясь, расстрелял милиционеров, уже было зажавших преступников.

Пока на экране еще ничего такого, что могло бы предвещать большую трагедию...

Дмитрий нажал на воспроизведение. Люди на тротуарах, которые, казалось, застыли уже навечно, ожили и затопали по своим делам. Машины терпеливо выбирали место на парковке, совершая сложные маневры, а магистраль на огром-

ных скоростях рассекали дороги авто. У входа в банк стоял какой-то чужак и пересчитывал деньги в крупных купюрах. После чего, уложив их в барсетку, быстро стал спускаться вниз.

«Где же тут «Гранд Чероки»? Ведь Шевцов подъехал именно на этом внедорожнике. Ага, вот и ваше сиятельство появилось!» – Степанов заметил подруливающий джип. Судя по тому, как расшаркивался охранник автостоянки перед вышедшим водителем, машину Шевцова здесь хорошо знали и принимали по высшему разряду (просто так ничего не делается, наверняка успел прикормить).

Следом за джипом выдвинулся черный «БМВ», из которого в сопровождении охраны вышел Семен Шевцов. До трагической развязки оставались какие-то мгновения.

Все сразу переменялось, когда из толпы прохожих отделились две фигуры и направились в сторону Семена Валентиновича, окруженного охраной. Парни выбрали весьма удачное место, с которого можно было без труда расстрелять Шевцова с охраной. Спасти генерального директора могло разве только чудо, и оно явилось в образе начальника охраны, который каким-то невероятным образом почуял угрозу. Оставалось только удивляться его проницательности и профессионализму.

Дмитрий нажал на «стоп», максимально приблизив изображение. Лицо Вадима Петлякова расплзлось во весь экран, и Дмитрий увидел крепко стиснутые челюсти и жесткий, ре-

шительный взгляд. Ствол пистолета был направлен точно в грудь одному из киллеров. Петлякову достаточно было легкого нажатия на курок, чтобы нейтрализовать противника, но в последнее мгновение он пустил пулю вверх его головы, заставив нападавших вжаться в асфальт. Как же понимать этот показной пацифизм? Такие люди, как Петляков, обычно не обременяют себя условностями в виде пары жмуриков.

Дмитрий перевел курсор на двух киллеров, застывших на половине шага. Максимально приблизил изображение. Лица, слегка размазанные большим увеличением, выглядели напряженными. Тот, что был повыше, с короткой ухоженной бородкой, шел немного впереди, и именно на него был направлен ствол Петлякова. Дмитрий внимательно всмотрелся в его лицо – ничего похожего на страх, перед ним был настоящий боец, готовый к любому исходу. Второй был чуток помоложе, выглядел он лет на двадцать пять. Усы и бакенбарды – всего-навсего допотопный камуфляж и не более того, судя по форме преувеличенного носа с горбинкой, он купил этот реквизит где-нибудь в захудалом театральном магазине.

Степанов нажал на кнопку, пистолет в руках Петлякова дважды дернулся, отправляя свинец вверх головы нападавшего. В руках бородатого заколотился миниатюрный «узи», пытаясь покарать юркнувшего в укрытие Шевцова.

Петляков действовал грамотно, не придерешься: ни одного лишнего движения, будто бы он только тем и занимался, что вытаскивал из передряг нерадивых бизнесменов. А ес-

ли судить по его анкетным данным, после окончания вуза он работал в какой-то сомнительной конторе, весьма далекой от военного дела.

Одна картинка сменяла другую. Дмитрий просматривал эту запись уже не один раз, успев выучить каждое движение нападавших.

Вот чистильщик вышел из салона автомобиля, на нем была белая рубашка и серые неброские брюки. Смотрел он перед собой, пряча от видеокамер лицо. Можно было разглядеть только его темно-русые волосы (хотя нельзя было ручаться, что они настоящие) да слегка удлиненный подбородок. Пока еще ничто не свидетельствовало о смертельной опасности. Мужчина держался очень уверенно и естественно, не обращая внимания ни на автоматную стрельбу, ни на пули, что врезались в гранитные ступеньки. Свободный раскрепощенный шаг, так непринужденно может держаться гуляка где-нибудь в парковой зоне. В руке находился какой-то предмет. И только всмотревшись, можно было разобрать, что он сжимал оружие. Ни его внешний вид, ни тем более поведение не сочеталось с грозным предметом, что он держал в руках, и только когда он привычно вскинул автомат, стало понятно, что это настоящий боец. Короткая косая очередь прошла тела милиционеров. Беспристрастная съемка зафиксировала, как пули, разрывая в лоскуты их одежду, с тупыми ударами проникали в туловища. Брызнувшая кровь мгновенно залила асфальт.

Дмитрий уже в который раз остановил запись. Откинувшись в кресле, уставился в потолок. Что-то здесь не так. Чистильщик не просто расстреливал, он действовал с каким-то особым артистизмом. Точно так играет ведущий актер во время долгожданной премьеры, когда знает, что на него смотрят сотни заинтересованных глаз.

Стоп! А что если?!

Дмитрий перемотал запись немного назад и принялся вновь, уже в который раз, внимательно изучать ее. Но теперь он знал, что следует искать. И нашел... На краю автомобильной стоянки, прислонившись к ограждению, стоял мужчина: одет он был в несуразную рубашку навывпуск, на голове широкополая, не по погоде, шляпа. Трудно было определить, сколько ему лет: лицо скрывала тень полей шляпы, возможно, именно поэтому Дмитрий не обратил на него внимание сразу.

Но удивляло другое. С первыми выстрелами на всех прохожих как будто накатило оцепенение. Замедлив шаги, они испуганно оглядывались по сторонам, пытаясь определить источник опасности, в страхе посматривали друг на друга. Для них интервал между первой очередью и последними пиштолетными выстрелами измерялся бесконечностью, в действительности же он равнялся всего лишь несколькими мгновениям.

Уже в следующую секунду, пригнувшись, люди бросились врассыпную, а некоторые и вовсе попрятались за брониро-

ванными дверьми банка. Мужчины, курившие у входа, упали на асфальт, еще две пожилые женщины, поражая своей расторопностью, спрятались за грузовиком.

Паника была страшной. Степанов видел перекошенные от ужаса лица. Многим из этих людей представлялось, что их жизнь уже закончена: не было сил не то чтобы убежать, даже кричать! А потому они попадали там, где стояли. Только мужчина, стоявший под навесом у края автостоянки, остался невозмутимым. За царившей паникой он наблюдал, как за интересным спектаклем: даже вышел немного вперед, чтобы получше рассмотреть происходящее. Движения неторопливые, размеренные... вот даже сигаретным дымком пыхнул... и вновь, явно зная о том, что на него могут быть направлены видеокамеры, нырнул в тень.

А может, все-таки Дмитрий вообразил невесть что? В действительности это просто случайный человек, и к происходящим событиям он не имеет никакого отношения?

Перемотав запись назад Степанов вновь нажал на воспроизведение. Запись четко показывала, как машина чистильщика, проехав по стоянке, отыскала подходящее место. Во сколько же он поставил машину? Ага, ровно за час. А наш чистильщик, оказывается, настоящий педант. Еще через пятнадцать минут подъехал «Ниссан» бежевого цвета и уверенно занял место на краю стоянки. Из машины никто не выходил, через лобовое стекло можно было увидеть лишь размазанный контур человеческой фигуры. Дверь распахну-

лась в тот самый момент, когда к Шевцову с охраной, отделившись от прохожих, стали подступать два киллера. Даже вылезая из машины, этот человек умело прятал под полями шляпы лицо, словно подозревал, что через какое-то время эта запись ляжет на стол оперативникам. Привычным щелчком сбил сигаретный пепел и по-хозяйски расположился между машинами, ожидая предстоящего действия. Дмитрию даже показалось, что в его движениях чувствовалось какое-то нетерпение, мужчина как бы хотел поторопить киллеров к активным действиям.

Максимально приблизив этого странного наблюдателя, майор внимательно наблюдал за его поведением. За несколько минут перестрелки тот почти не шевелился, и только когда охрана втокнула Шевцова в машину, недокуренная сигарета рассерженно отлетела в сторону. Подобный жест можно было трактовать, как явную степень недовольствия.

Теперь Дмитрий Степанов уже не сомневался в том, что человек в бежевом «Ниссане» появился перед банком далеко не случайно. Он следил за исполнением заказа.

Кто же ты, «мистер Икс»?

ГЛАВА 6. ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД, МАЙ...

– Разрешите, сэр? – произнес Майкл Далтон и уверенно перешагнул порог кабинета главы восточного отдела, директора национальной охранной службы Джона Бейкона.

Оторвав взгляд от экрана монитора, Бейкон по-свойски махнул рукой на стул, стоявший с противоположной стороны стола.

– Садитесь, Майкл, – сказал он, оторвав взгляд от экрана: – Принесли?

Веселый, энергичный Джон Бейкон являл собой воплощенное радушие, чем отличался от большинства начальников в ЦРУ. У каждого своего собеседника он вызывал чувство доверия (возможно, именно таким и должен быть разведчик), и лишь в редкие минуты его можно было увидеть без улыбки. По поводу этого его веселья злопыхатели шутили, что на настроение директора не может повлиять даже ядерная война.

Возможно, что где-то они были правы.

Бейкон аккуратно сложил в стопку листы бумаги, разложенные на столе. Затем так же бережно закрыл ноутбук, спрятав от вошедшего ворох государственных тайн. Так он поступал всегда, когда к нему заходил кто-нибудь из сотрудников, пусть даже и из его ближайшего окружения, будто-то

бы подозревал визитера в неблагонадежности. На всю процедуру требовалось минуты четыре, и всякий раз приходилось терпеливо дожидаться возобновления прерванного диалога.

Чистый профессионализм, ничего более.

Обезоруживающе улыбаясь, Бейкон приглашал к обстоятельному разговору.

Обаяния ему было не занимать. Естественное добродушие в купе с хитрыми мозгами всегда ценилось в разведке, так что не было ничего удивительного в том, что в ЦРУ он сумел сделать блестящую карьеру. И, судя по всему, нынешнее место было не последним в его карьере.

Вообще Бейкон считался специалистом по России, и свою карьеру, как разведчик, он начинал при посольстве в Москве, где весьма сносно научился говорить по-русски. Чем он там занимался, было не очень известно, но если судить о том, что после нескольких лет пребывания в Восточной Европе он сумел прыгнуть в начальственное кресло, то можно было предположить, что заслуги у него были немалые.

О своей работе Джон Бейкон обмолвился лишь однажды, с полгода назад, когда с несколькими сотрудниками они забрели в соседний бар, чтобы отметить день рождения Джона Бейкона-младшего. Находясь в некотором подпитии, Джон сказал, что координировал некие акции на территории России, которые сумели нанести её экономической безопасности значительный урон.

Впоследствии, по истечении времени, Майкл Далтон понял, что эта откровенность директора была запланирована. Разведчики его уровня ничего не делают просто так. Вероятно, он хотел посмотреть на реакцию по поводу всяческих диверсий на территории суверенного государства? Помнится, Майкл тогда чуть не крякнул от накативших чувств, хотя внешне это выразилось лишь в плотно сжатых губах. Теперь он благодарил себя за собственную сдержанность.

– Пожалуйста, сэр, – Далтон бережно положил на стол папку, в которой находилась аналитическая записка. – Вы просили провести анализ. Я подключил экспертов по России. Здесь данные за последний год.

– Хорошо, – энергично кивнул Джон Бейкон, продолжая излучать радушие. – Я обязательно ознакомлюсь с вашей запиской. А сейчас вы не могли бы рассказать мне в двух словах, что там написано?

Еще одна особенность Бейкона заключалась в том, что он всегда требовал от сотрудников короткого доклада, который, надо признать, на первый взгляд больше походил на дружескую беседу. В действительности это было беспристрастное тестирование подчиненных, стоившее некоторым из них карьеры. И Майкл Далтон, глядя в его темно-серые глаза, никогда не забывал о том, что от этого человека зависит его будущее.

Обидно было потерять все то, к чему он так долго стремился. Двадцать лет ему пришлось помотаться по всему ми-

ру от Бразилии до Китая, представляя интересы Америки, чтобы потом оказаться в штате Вирджиния, в маленьком городке Лэнгли, где находилась штаб-квартира ЦРУ. Так что свое назначение он считал далеко не случайным, за этим был огромный опыт дипломатической работы и работы резидентом в трех европейских странах, включая Россию. Так что за свое место под солнцем он будет бороться с кем угодно.

– Операция «Цейлон» развивается строго по графику, сейчас она входит в фазу «С»...

Далтон ревниво следил за реакцией сэра Бейкона. Открыв папку, директор неожиданно перебил его:

– У меня к вам такой вопрос, Майкл: вы ведь, кажется, некоторое время работали в России?

– Да, сэр. Три года.

– Это большой срок. Вы мне можете ответить, как там обстоят дела в газовой промышленности?

Далтон немного расслабился. В последнее время он как раз занимался именно этим вопросом, анализируя информацию, предоставленную агентурной разведкой. Им было написано четыре служебных записки, две из которых положили на стол директору ЦРУ.

– Газовый сектор в России развивается очень динамично, несмотря на общее падение производства. В ближайшие пять – семь лет ему не страшны никакие потрясения. Но у нас имеется информация, что этой отрасли грозит децентрализация.

– С чем это связано?

– В первую очередь это связано с тем, что Россия не монолитна, практически она разбита на отдельные регионы, в каждом из которых наблюдается усиление роли региональных лидеров. Соответственно, от центра они требуют значительных отчислений в свои бюджеты. Часто на этой почве происходят очень серьезные разногласия. Местная элита подчас просто бойкотирует решения центра. – Джон Бейкон понимающе кивал. – Значительную часть месторождений они просто подгребают под себя, приватизируют наиболее крупные, во главе производств ставят своих родственников, реже преданных людей, которые верно служат им, но не центру. Дробление отрасли идет параллельно с укреплением позиций местных лидеров и национальных элит. Как известно, газ и нефть – это в первую очередь большие деньги, а капиталы им нужны для удовлетворения своих политических амбиций.

– И как долго будет расползаться Россия?

– До тех самых пор, пока, наконец, не появится крепкий, волевой государственный лидер, способный умерить аппетиты региональных вождей.

– Как, по-вашему, в окружении нынешнего президента имеется такой человек?

– По нашим данным, имеются два человека, способных реально претендовать на роль главы государства. Не исключено, что один из них действительно станет президентом

страны... Разумеется, по истечении полномочий нынешнего главы.

Джон Бейкон задумался. Добродушие не ушло с его лица, просто между бровей углубилась морщина, добавив ему пару лишних лет.

– Значит, в нашем распоряжении имеется года три для серьезной работы?

– Получается так, сэр, – охотно подтвердил Далтон, усиленно соображая, в какую сторону может свернуть разговор. Важно, чтобы следующий вопрос не застал его врасплох и чтобы он сумел по достоинству ответить на него.

– А вам никогда не приходила в голову такая мысль, что очень несправедливо, что такая страна, как Россия, владеет столь огромными запасами нефти и газа? Было бы справедливее, если бы произошло более правильное распределение природных богатств.

Далтон слегка нахмурился: нестандартное продолжение разговора.

– Не думаю, что русские согласятся с этим.

Джон Бейкон заразительно рассмеялся:

– А вы, оказывается, большой шутник, я даже не подозревал. Кто же может согласиться с таким решением!.. Сколько у русских природного газа?

Еще один неожиданный вопрос, на который следовало отвечать. Новый директор любил держать своих людей в форме, не давая им расслабляться даже в малом.

– По нашим исследованиям природного газа в России хватит лет на четыреста, если добывать его с такой же интенсивностью, как в настоящее время.

– Ах, вот как! Достаточно долго.

– Но хочу отметить, что русские каждый год открывают новые месторождения.

– Где же они открывают эти месторождения?

– Огромные запасы найдены на шельфе Северного Ледовитого океана. В частности на Баренцевом море, где сейчас активно проводятся геологические изыскания.

– Да-а, Россия действительно богатейшая страна.

– Да, сэр!

– Сейчас в России происходят большие перемены. Даже русским сложно в них разобраться. Однако это нас не должно волновать, мы должны разбираться в происходящем лучше, чем они. Для этого ведь и существуют аналитические отделы, не так ли, Майкл?

– Да, сэр!

– Думаю, что события, происходящие в России, нам только на руку. Мы можем выступить инвесторами в их газовую промышленность. Тем более что у нас уже имеется определенный опыт в Латинской Америке, в Африке, в Азии. В России мы уже выступали инвесторами в ряде небольших предприятий, все прошло успешно... Теперь нам пора подумать о более серьезных проектах... Что вы на это скажете?

– Это большой риск, сэр. В России чудовищная корруп-

ция, и инвестиции могут разворовать еще на начальном этапе.

– Вы не дослушали меня, Майкл, – сдержанно укорил его Бейкон. – Если говорить кратко, то схема будет такова. Через подставное лицо мы скупаем все основные газовые месторождения Сибири, а после того, как они окажутся в руках нашего человека, он передает нам контрольный пакет. Так что Америка станет законным собственником всех крупных газовых месторождений. Ваше мнение, как аналитика?

– План хорош, но для его осуществления нужны колоссальные деньги.

Бейкон понимающе кивнул:

– Думаю, что президент поддержит наши инициативы. Деньги будут. А потом, насколько мне известно, судя по событиям, что сейчас происходят в России, это не будут какие-то фантастические суммы. По вашему лицу я вижу, что вас что-то смущает. Что именно?

– Российское законодательство, сэр. В настоящее время готовится проект об ограничении влияния иностранного капитала на экономику страны, – сдержанно высказался Майкл Далтон, – в первую очередь на разработку стратегических полезных ископаемых...

– Неужели ничего нельзя придумать?

– С большими деньгами в России можно решить многие проблемы. В российском законодательстве много удобных лазеек. Но, на мой взгляд, наиболее сложной задачей будет

подобрать подходящую кандидатуру, которая поспособствовала бы нашему плану. На мой взгляд, этот человек должен быть полностью нам лоялен.

– Всецело с вами согласен, – кивнул Бейкон. – Поэтому к выбору кандидатуры нужно подходить особенно тщательно. Это должен быть человек небогатый, но не лишенный честолюбия, потому что без честолюбия, как известно, ничего не сделаешь. Мы должны знать о нем все, включая его родственников вплоть до седьмого колена! Мы должны знать, чем он интересуется, круг его друзей, знакомых, где он родился, учился. Знать его бывших и настоящих любовниц, иметь представления о его наклонностях, в том числе дурных... Это ведь хороший повод для шантажа.... Не надо забывать о том, что на карту будут поставлены не только большие деньги, но и стратегические интересы Америки. Этот человек должен быть дельным и предприимчивым малым, чтобы не завалить все дело, но главное, чтобы в нужный день он отдал нам все то, что в него было вложено. Это наше главное условие.

– Придется тогда в общих чертах ввести его в план операции, – задумчиво протянул Майкл Далтон.

– Придется, – не без сожаления признал Бейкон. – Но это вынужденная мера, ведь он должен знать, на что идет. Со своей стороны мы предоставим ему нашу защиту и всестороннюю поддержку. А это уже немало. Мы дадим ему твердые гарантии того, что после завершения нашего плана он

получит немалые бонусы, каких хватит не только ему, но еще и его внукам, а то и правнукам.

– Думаю, что в плане должно быть задействовано два человека. Один из них должен отслеживать ситуацию в Сибири, а другой – контролировать финансовые потоки в Москве.

– Разумное предложение. Вот вы уже и входите в курс операции, – обаял широкой улыбкой Бейкон. – Может, у вас уже есть такие люди на примете?

Далтон на секунду задумался, после чего отрицательно покачал головой:

– Таких людей у меня пока нет.

– Майкл, я давно хотел спросить у вас: где вы проходили подготовку как агент?

Такие неожиданные повороты в разговоре могут сбить с толку кого угодно. К ним следовало быть готовым. Наверняка в этот самый момент Майкл проходил тест на быстроту реакции. У подготовленного человека не должна меняться мониторинка. Далтон тщательно следил за своим лицом.

– Подготовку я проходил на армейской базе Кэмп-Пири.

Бейкон одобрительно кивнул:

– Я тоже занимался там в свое время. Это весьма хорошая школа. Шифровальное дело у вас вел старина Стив Костнер?

– Именно так, сэр, – с готовностью отозвался Далтон.

– Забавный старик, – губы Бейкона разошлись в располагающей улыбке. – Он рассказывал нам массу интересных историй о холодной войне. Послужной список у него будет по-

больше нашего.

– Именно так, сэ.

– К чему я это говорю... Мне хотелось бы, чтобы вы лично занялись поисками подходящих людей. – Майкл невольно сглотнул подступивший к горлу ком. – Лучше вас с этим никто не справится. Так что руководство операции ложится именно на вас. Вы владеете русским?

– Да, сэ. Я три года прожил в России, – с готовностью отозвался Далтон.

– Ну, вот видите. Вам будет легче понять, чем кому-либо, что там происходит в действительности. На эту операцию я возлагаю очень большие надежды. Если нам удастся проверить что мы задумали, то Россия будет находиться у нас на крючке, с которого уже никогда не соскочит. Ни один винтик на газовой трубе не будет поворачиваться без разрешения Белого Дома. У вас много дел, Майкл! Я вам даже завидую. А теперь – ступайте.

– Слушаюсь, сэ, – с готовностью поднялся Далтон.

ГЛАВА 6. СПАСИБО, УТЕШИЛИ!

Сама атмосфера больницы даже у самого здорового человека вызывает отрицательные ощущения. И дело тут не в том, что взгляд постоянно натывается на скорбящие, зачастую изнеможенные долгой болезнью лица, и даже не в здании морга, что ненавязчиво разместился под густыми кленами в уголке больничного двора, а в том, что, перешагивая порог клиники, начинаешь осознавать, насколько хрупко твое здоровье. И что жизнь не такая уж и бесконечная, как это нередко представляется.

– Прижмись к дереву, – сказал Петляков, повернувшись к Савельеву.

Водитель кивнул и ловко втиснулся между толстой липой, стоящей на краю дорожки, и черным «Лэндрровером».

– Побудь пока здесь, я скоро буду. Ты все купил, что я просил?

– Да. Апельсиновый сок, груши, яблоки.

– Хорошо, – кивнул Петляков, забирая пакет. – Не знаю, как у тебя, но у меня больница вызывает не самые благодушные ощущения. Помню, в детстве я ногу сломал, так целый месяц пришлось проваляться. Я просто от тоски изнывал.

– Болеть всегда плохо, – согласился Савельев. Неожиданно широко улыбнувшись, он продолжил: – Хотя, с другой стороны, там молодые медсестрички работают, и все такие

хорошенькие! Может быть, на пару деньков я бы и завис в какой-нибудь больничке.

– Ну-ну, – усмехнулся Петляков.

Набросив халат, он уверенно поднялся по лестнице с широкими перилами. Вот так и должен выглядеть храм боли: белоснежным и очень холодным.

Аню Елизарову разместили в отдельной палате, у дверей которой дежурили двое охранников. Еще двое находились в соседней комнате, которая сообщалась через небольшую дверь с палатой. Так что в случае осложнений они могли подоспеть на выручку в любую минуту.

Охрана, заметив подошедшего Петлякова, расступилась.

– Там врач, – предупредил один из охранников.

– Вот и славно, – приоткрыв дверь, сказал Вадим. – Он мне и нужен.

Больных полагается заражать неистощимым оптимизмом, бодрым и активным видом, доказывая тем самым, что их болезнь всего-то недоразумение судьбы. Однако, взглянув на бледное, безжизненное лицо Анны, Петляков почувствовал, что заготовленные бодрые фразы мгновенно улетучились, и единственное, что ему оставалось, так это налепить на лицо дежурную улыбку. Губы девушки едва дрогнули, когда её взгляд остановился на вошедшем Петлякове, в какой-то момент ему даже показалось, что он прочитал в её глазах расположение.

Рядом с кроватью стоял врач – высокий импозантный

мужчина лет сорока пяти с густой шевелюрой, которую украшала редкая седина, больше смахивающая на искусное мелирование. Наверняка он был героем младшего медицинского персонала: они предпочитают именно таких, породистых мужиков.

Бережно взяв под локоток вошедшего Петлякова, врач отвел его в угол палаты.

– Как она? – не удержался от вопроса Вадим. Голос слегка дрогнул, выдав его волнение.

– Теперь самое страшное позади. Восстановление идет хорошо. Состояние стабильное. Наблюдается положительная динамика. Главное, чтобы не было никаких осложнений. Но нервное потрясение еще очень сильное. Все-таки она ранена.

– Если нужны какие-то лекарства, так вы только скажите, мы достанем все, что необходимо.

– Вы уже снабдили нас всем самым необходимым, так что больше ничего не нужно, – серьезно заверил его врач. – Я вот что хотел сказать, – Он понизил голос. Вадим напрягся. – Мне тут звонили и интересовались здоровьем Анны...

– Кто?

– Этот человек не представился.

– И что же вы ответили?

Пожав плечами, врач ответил:

– Как мы с вами и договаривались, я сказал, что она находится в критическом состоянии.

– Правильно, – не сумел сдержать вздох облегчения Пет-

ляков.

– Но это еще не все. Позавчера ко мне подошел мужчина, представился родственником Анны и попросил, чтобы я отвел его к ней в палату.

– А вы? – получилось немного громче, чем следовало.

– Сказал, что больная себя очень плохо чувствует и доступ к ней закрыт, что она по-прежнему находится в реанимации.

– Вы все правильно сделали, – на этот раз подавил вздох облегчения Петляков. – Никто не должен знать, что у Анны наступило улучшение.

– Это еще не все... – Широкие белые ладони врача театрально прижались к груди. – Вы не подумайте, что я боюсь, что мне чего-то там кажется, но за мной вчера следили. До самого дома.

– Может, вам всё-таки показалось?

– Ну, я же не какой-нибудь там неопытный мальчишка. И манией преследования не страдаю. Я вполне адекватно воспринимаю сложившуюся ситуацию. Этого человека я замечаю на протяжении трех последних дней. Он держится немного позади меня, часто буквально дышит в затылок.

Петляков нахмурился.

– Не стоит переживать. Скажу вам откровенно, если бы они замыслили против вас что-то серьезное, то сделали бы это уже давно.

– Спасибо, утешили! – усмехнулся врач.

– Но на всякий случай я назначу вам охрану.

– Было бы не лишним, – буркнул врач, – хотя бы на некоторое время.

– Считайте, что вы её получили. – Врач начинал напрягать: ему давно следовало бы отойти, но он отчего-то продолжал стоять, буравя его пристальным взглядом. – Вы еще что-то хотели сказать?

– Понимаете, вы просили держать все в тайне. Что я и делаю! – торопливо заверил его эскулап. – Никто даже не подозревает об истинном состоянии пациентки. Мне приходится прикладывать некоторые усилия. А это, сами понимаете, подразумевает некоторые затраты... А потом – ремонт!

Губы врача раздвинула виноватая улыбка. А это уже перебор! Два дня назад ему передали сумму, на которую можно было отстроить еще один этаж больницы, а он говорит о каком-то ремонте. На языке у Вадима вертелись весьма подходящие слова. Почему-то все вокруг считают своим долгом обращаться к нему за помощью, и он должен входить в положение каждого. Но ведь его личный карман – не золотая жила!

Стараясь сдерживаться, Петляков хмуро кивнул:

– Хорошо. Я подумаю, чем можно помочь. А теперь мне бы хотелось побыть с ней наедине.

– Только умоляю вас, очень недолго: девушка еще очень слаба.

– Хорошо, – пообещал Вадим. И почувствовал невероятное облегчение, когда, наконец, за врачом закрылась дверь. –

Как ты себя чувствуешь, Аня? – повернулся Вадим.

– Хорошо... Могло быть хуже.

Петляков понимающе кивнул.

– Врач сказал, что восстановление идет быстро. У тебя организм очень крепкий, здоровый. Так что через неделю уже будешь бегать.

– Даже не верится, – уныло проговорила Анна. – Я столько пережила за это время.

– Я тебя понимаю... Ты извини, но я начну говорить сразу о деле. Нам важно поймать этого человека. Неизвестно, что он еще захочет выкинуть. Если он покушался на тебя один раз, то где гарантия того, что это не повторится?

Аня нахмурилась.

– А с Семеном Валентиновичем ничего не случилось?

– Не переживай, с ним все в порядке, – заверил ее Петляков.

– Вы даже не представляете, сколько я за это время передумала. Я была неправа. Ведь я желала ему смерти. Даже сама не знаю, что такое на меня нашло.

– Извини меня, Анна, но я немного в курсе того, что тебе говорили. Тебе внушали, что Шевцов виноват в смерти твоих родителей, и ты поверила в это.

На лице девушки отобразился ужас.

– Откуда вам это известно? – прошептала она.

– Это неважно, но хочу сказать, что к смерти твоих родителей он не имеет никакого отношения. В этот день он дол-

жен был лететь вместе с ними, но в силу каких-то обстоятельств этого не произошло. После аварии вертолета было проведено очень тщательное расследование. Комиссия сделала выводы, что у вертолета лопнула лопасть, именно это и стало причиной трагедии.

– Боже мой, а я-то подумала...

– Тебе не стоит волноваться, – посмотрев на часы, Петляков вздохнул: – Пожалуй, мне надо идти. Дела!

– Пойдите! – девичья рука оторвалась от покрывала, на какое-то время зависнув в воздухе, затем безвольно опустилась рядом с ладонью Петлякова. – Я вам хотела сказать... Мы ведь так и не объяснились в тот раз... Я не виновата в том, что произошло с Семеном Валентиновичем. Я расскажу вам все... Два месяца назад я познакомилась с парнем... В театре... Я была там с подружкой, мы ходим на каждую премьеру. Там случайно и познакомилась. Во всяком случае, так я считала раньше. А потом поняла, что все это не так. Два месяца мы с ним просто встречались, затем стали близки. Я очень к нему привязалась, меня поймет тот, кто рано лишился родителей.

– Ты говоришь о том молодом человеке, что встречал тебя после работы? – уточнил Петляков.

Девушка закусил губу. В какой-то момент Петлякову показалось, что она вот-вот расплачется, но ничего, повела себя молодцом, удержалась.

– Он самый. В газетах писали, что он преступник, – пока-

зала она на разворот «Криминальной хроники».

– Кто тебе дал эту газету?

– Врач, – смутившись, ответила девушка. – Я его попросила. Должны же были написать о том, что произошло.

На странице газеты Петляков увидел фотографию блондина, лежавшего на полу с застывшим взглядом. Ноги согнуты в коленях, словно он намеревался продолжить прерванный бег, а правая рука была прижата телом – выглядывала лишь растопыренная ладонь.

Газету он просмотрел еще вчера вечером, но никак не думал, что она попадет на глаза Ани Елизаровой. Еще недавно этот парень был её другом, ласкал своими руками её тело, нашептывал нежные слова, а теперь лежал на грязном кафельном полу, представляя интерес разве что для следственных органов и патологоанатомов.

– Как он тебе представился? – сочувственно спросил Петляков.

– Прохором, – едва слышно произнесла Аня.

Вадим кивнул. Девушка совершенно не подозревала о том, с кем связалась. Для нее он был обыкновенным пылким ухажером, который при каждом свидании дарит ей розы, но в действительности оба они были крохотными винтиками тщательно спланированной акции.

О том, что этот Прохор имел отношение к бойцам особого назначения, Вадим догадался тотчас, как только увидел его. Парень в темноте двигался подобно кошке, он обходил

ся без всяких специальных приборов. Подобное умение достигается только в результате долгих тренировок, а то что за этим человеком была солидная школа, сомневаться не приходилось. Кроме того, он был вооружен автоматом «Вал», а это оружие использовалось при проведении локальных специальных операций.

Вот только какие структуры за ним стояли, понять было невозможно, – на теле убитого ничего не было: ни выколотой на плече пантеры, ни какой-либо аббревиатуры, ничего такого, чем обычно любит щеголять спецназ.

Несколько дней труп Прохора пролежал в морге, за которым было установлено круглосуточное наблюдение. Его личностью никто не интересовался, не было сделано ни одного звонка по его поводу, словно он был каким-то фантомом.

На пятый день ожидания едва ли не у дверей морга разгорелась усиленная стрельба. Дежурившие сотрудники мгновенно бросились на выстрелы, но ничего не обнаружили. А когда вернулись, то нашли на полу лишь бесчувственных санитаров. Труп Прохора пропал. Странно, что не было слышно шума подъезжающей машины, не было и каких-нибудь подозрительных личностей. Труп просто исчез, как будто воспарил в небеса.

Оперативники растолкали санитаров, вернув их к жизни, но что с ними произошло, те так и не сумели рассказать: они позабыли события не только этого дня, но и двух предыдущих. Ничего удивительного – неизвестные вкололи им ка-

кой-то усыпляющей жидкости и швырнули на пол без особого бережения.

А это лишний раз подтверждает, что приходится иметь дело с очень серьезной структурой, которая не только хорошо вооружена, но и блестяще обучена. Если разобраться, то таких контор в России не так уж и много, в подавляющем большинстве – государственные. Можно насчитать еще три-четыре частных, представляющие интересы большого капитала, но в любом случае они сформированы из бывших спецназовцев, что в силу различных причин сделались карманной армией олигархов. Чаще всего это причины материальные, перевешивающие ворох плюсов службы в государственной системе.

Косвенным подтверждением того, что приходится иметь дело со спецназом, является исчезновение трупа. Спецназ не оставляет своих даже мертвыми. Наверняка Прохор уже где-то похоронен с подобающими почестями, а над холмиком прогремел прощальный залп.

Все как и положено.

– А Прохор ни с кем тебя не знакомил?

На лбу девушки появились три легкие поперечные черточки – производная мыслительного процесса.

– Что-то не припоминаю, – после некоторой паузы произнесла она. – Хотя знаете... Однажды мы пришли в кафе, и он встретил там знакомого. Этот человек о чем-то переговорил с Прохором, а потом попрощался и ушел.

– Как долго он пробыл с вами?

– Помнится, что недолго. Может быть, минут десять, а может, и того меньше. Прохор при его появлении весь напрягся, даже шутить перестал. Отвечал как-то односложно и только все поглядывал на меня.

– Понятно. А тот мужчина не назвал себя?

Голова Анны слегка качнулась.

– Нет. Это я точно помню... Меня тогда еще удивило, он обратился ко мне по имени, а я его совершенно не знала. Значит, Прохор уже рассказывал ему обо мне, только непонятно – почему он мне ничего не сказал об этом.

– И как он тебе показался? Помнишь свое ощущение? Говорят, что женщины очень наблюдательны.

– У него был какой-то изучающий взгляд, на меня так никто не смотрел. В какой-то момент мне даже сделалось страшно.

– Как он выглядел?

– Он был высокого роста, сухощавый, жилистый. Обычно такими бывают спортсмены. Немного сутулый, как будто на плечах он нес какую-то тяжесть. С легкой сединой, а на правой стороне лба большой шрам.

– Понятно. – Открыв барсетку, он вытащил небольшую фотографию. – Взгляни, это случайно не он?

Девушка взяла снимок. На фотографии был запечатлен молодой мужчина лет двадцати пяти в светлом костюме. Располагающая внешность, ровным счетом ничего отталкиваю-

щего, даже на снимке было заметно, что он не лишен обаяния и наверняка пользуется симпатией противоположного пола.

На красивом девичьем лице застыло удивление.

– Это он... Правда, здесь он немного помоложе. Откуда у вас эта фотография?

Вадим уложил фотоснимок обратно. Интересный вопрос. С чего бы ни быть у него этой фотографии, если он снимал Карася собственным фотоаппаратом на побережье Красного моря в Египте. Правда, местечко, в котором производилась фотосъемка, было расположено вдали от туристических троп. Всего-то небольшая командировка, прибавившая кроме боевого опыта несколько седых волос. А сколько же было таких командировок в тот год? Семь или восемь? Петляков задумался. Да пожалуй, что девять. Впрочем, какая разница! И все это время Карась находился рядом.

Кто бы мог подумать, что судьба захочет столкнуть их лбами?

Снимок был сделан вопреки строжайшим инструкциям. Но причина, чтобы нарушить приказ, также была существенной: именно на этом месте они должны были подорваться на противопехотной mine, и то, что оба остались в живых и даже не покалечились, – большая заслуга Карася, заметившего на каменистом склоне всего-то клочок промасленной бумаги. Он тотчас задался вопросом: откуда тот мог взяться в совершенно безжизненном месте, до ближайшего жилья от

которого не меньше полсотни километров. Это могла быть только обертка от мины, которую установили на пути продвижения российской колонны.

Присев на корточки, Антон вытащил щуп и терпеливо, сантиметр за сантиметром, протыкал красную выжженную почву, пока не извлек на поверхность шесть противопехотных мин. Так что это чистая случайность, что их красивые молодые тела не разлетелись на куски по каменистой пустыне.

На этом снимке, сложенные в ряд, красовались обезвреженные противопехотные мины и автомат «узи» – любимая игрушка Карася, – но Вадим Петляков вырезал их, чтобы не натолкнуть смотревших на догадки. В итоге получилась вполне нейтральная фотография, на ней Карась больше походил на отдыхающего, чем на российского военного спеца.

– Она ко мне попала случайно, – попытался успокоить девушку Петляков.

Таких людей, как Карась, было немного. Антон Толкунов обладал массой добродетелей, которых с лихвой хватило бы на десяток таких, как он. И в тоже самое время это был один из самых опасных людей, которых Вадим встречал в своей жизни. Еще его можно было бы назвать боевой машиной, способной ради достижения поставленной цели пойти на многие запреты, а перешагнуть через человеческую жизнь для него и вовсе представлялось забавным пустячком. Так что нет никакого сомнения в том, что он убрал бы девушку

сразу после ликвидации Шевцова. И даже поручил бы выполнить ликвидацию этому самому Прохору. Антоша Толкунов просто обожал подобные расклады.

– Анечка, у меня к тебе есть одна просьба...

– Говорите, я вас слушаю.

– Наверняка к тебе скоро придет майор Степанов, он занимается этим делом, очень дотошный человек. Ты ему не рассказывай о нашем разговоре...

– Что же ему тогда сказать? Ведь он будет спрашивать.

– Просто скажи, что твой молодой человек интересовался делами фирмы, но ты никак не думала, что это может как-то угрожать Шевцову.

– Хорошо, – слабо улыбнулась Аня.

Время уходит. Поднявшись, Петляков ободряюще улыбнулся:

– Не грусти, все будет хорошо.

– А вы зайдете еще?

Неожиданный вопрос застал Вадима врасплох. Видно, на его лице отразилось нечто такое, что вызвало девичью улыбку.

– Обязательно.

– Я буду ждать.

Вадим вышел из палаты. Парни продолжали стоять на своих местах. Лица серьезные и бесстрастные, как будто они охраняли не раненую девушку, а боевое полковое знамя. Немного в стороне, уткнувшись носом в какой-то агитаци-

онный плакат, стоял Лева Ковалев. Петляков готов был поклясться, что он уже заметил приближающееся начальство, но в силу каких-то причин продолжал лепить отрешенную озабоченность. Однако стоило Вадиму остановиться у него за спиной, как он мгновенно развернулся.

– То, что здесь происходит, мне не нравится. Вокруг больницы трутся какие-то непонятные личности. Нужно выявить, кто это такие.

Лева понимающе кивнул:

– Мы уже в курсе. Один такой даже приходил на этаж. Мы хотели его задержать, но он ушел через черный ход.

– Как он выглядел?

– Высокий, со шрамом на лбу.

– Держи меня в курсе, – кивнул Петляков и заторопился по коридору.

ГЛАВА 8. ДЕВЯТЬ ЛЕТ НАЗАД, ИЮНЬ...

Даже издалека круизный лайнер «Queen Mary» напоминал огромную большую гору, в сравнении с которой даже «Титаник» выглядел бы просто малышом. Но Всеволод Елизаров никогда бы не подумал, что внутри лайнер окажется просто необъятным. Со дня отплытия прошло уже три дня, но он не успел обойти даже третью часть судна. Возможно, что этому способствовали многочисленные соблазны, что размещались на восьми палубах круизника: многочисленные рестораны, в которых можно было отведать любую кухню мира; теннисный корт, где он дважды опробовал свои силы с симпатичной итальянкой; поупражнялся даже на мини-гольфе, расположенном на третьей палубе. А вчера крепко засел в казино, где за один присест спустил сразу пять тысяч долларов. Если отдых будет продвигаться столь же интенсивно, то можно просто остаться без штанов.

Каюта Елизарову досталась на четвертой палубе, откуда он мог любоваться не только водными просторами, но и бассейном, возле которого всегда клубилось изрядное количество активно отдыхающих. Женщины были в откровенных бикини, и, проходя мимо, он не однажды ловил на себе их призывные взгляды. С одной из них – двадцатипятилетней блондинкой из Сургута – Всеволод быстро нашел общий

язык, и уже через полтора часа знакомства они весело кувыркались на его двуспальной кровати.

Романтическим отношениям способствовала окружающая обстановка, призывные улыбки дам и возбуждающе острая кухня. Всеволод имел виды еще на пяток девиц, что расположились по обе стороны его каюты. Приятель, с которым они приобрели путевки, советовал не размениваться на жаждущих дешевых приключений и бесплатного ужина в ресторане, а предлагал наведываться в бальный зал, где от блеска бриллиантов просто слепило глаза. Скучающие миллионерши, сбившись в плотную стаю, расхаживали по залу в поисках поклонников, а потому имелась возможность не только приятно провести вечер, но и поработать на перспективу.

В общем, путешествие обещало выдаться на славу, и Всеволод ни на секунду не сомневался в том, что не будет жалеть о потраченной валюте.

Все то, что он видел вокруг, было так далеко от сибирской действительности и тундры, что первые часы ему казалось, что корабль явился из каких-то космических далей, а его пассажирами являются марсиане, невесть каким образом оказавшиеся на океанском судне. И только потолкавшись среди них, он сделал для себя немаловажное открытие: слеплены они были точно из такого же теста, что и он сам. Ну, может, мужики одеты в более дорогие костюмы, чем он, да и у женщин куда больше бриллиантов, чем у какой-нибудь доярки из Жмеринки, а так все то же самое.

А глазками женщины стреляют точно так же, как девки, стоящие на обочине дороги, и если быть объективным, то у него хороший шанс, чтобы охмурить какую-нибудь миллионершу.

Так что планов было громадье, и отпущенное время Всеволод рассчитывал использовать на полную катушку.

Уже пошел третий год, как он возглавил небольшую компанию, занимающуюся добычей газа. Окончив Московский нефтяной институт, он десять лет отрубил в Уренгое. И в последние годы занимался тем, что ремонтировал скважины. Перестройка застала его в тот момент, когда он встал во главе огромного участка, раскинувшегося в тундре на территории, равной небольшому княжеству. Именно тогда и пришла к нему мысль о приватизации этих земель с перспективными залежами газа. А еще через полгода он уже был местным олигархом и по воскресеньям парился в одной баньке с губернатором.

Даже в самых своих смелых мечтах Всеволод не мог и представить, что его бизнес будет развиваться столь успешно, что совсем скоро он прикупит по случаю три соседних участка, увеличив и без того огромную площадь. И вот после трех лет усиленного труда он решил провести отпуск в круизе на океанском лайнере, ни в чем себе не отказывая.

До начала бала оставалось еще полтора часа. Вполне достаточно времени, чтобы пропустить пару стаканчиков виски в ближайшем баре и, облачившись в подобающий костюм,

выйти на публику. Намерения у него в этот раз были весьма серьезными. Он дал себе слово, что не вернется в номер до тех пор, пока не охомукает какую-нибудь кинозвезду. Благо что здесь, на корабле, ими забиты все рестораны.

Всеволод прошел в бар, сел за стойку.

Тотчас подошел бармен. Склонив белокурую голову, спросил:

– Что вам угодно?

– Виски, пожалуйста, – и, оглядев ряды бутылок, выставленных в баре, Всеволод добавил: – Какого-нибудь эксклюзивного.

Бармен достал красивую пузатую бутылку с нарядной наклейкой, на которой был изображен горец в килте, держащий волынку. Показав её со всех сторон клиенту, он объявил:

– Впечатляющий сорт – «Долины Шотландии».

Откупорив бутылку, налил виски в высокий узкий бокал. Едва улыбнувшись, добавил:

– Надеюсь, что виски вам понравится. Даже по запаху напиток напоминает Шотландию.

– Я там не бывал, – хмуро буркнул Всеволод, немного отпив.

Настроение отчего-то начало портиться, и самый удачный способ, чтобы хоть как-то приподнять его, так это выдуть полбутылки этой ароматной светло-желтой жидкости.

– Вы прекрасно говорите по-английски, – сказал кто-то за спиной по-русски.

Всеволод невольно обернулся, чуток расплескав дорогой напиток. Рядом стоял добродушного вида иностранец с пухлыми щеками и здоровым румянцем. Бледно-голубой просторный костюм умело скрывал полтора десятка лишних килограммов, из-под костюма выглядывала пестрая майка. То, что перед ним был именно иностранец, выдавал смелый стиль одежды, на который в России отважился бы далеко не каждый. Некоторая раскованность манер – производная от образа жизни, да вот еще, пожалуй, акцент, который легко роднил его с жителями Прибалтики.

Нельзя сказать, что Всеволода озадачило обращение к нему незнакомца. За свою жизнь ему пришлось общаться и не с такими колоритными экземплярами, удивляло лишь одобрение его английского, который сам он считал неважным.

Но как бы там ни было, похвала была приятна. Этому человеку что-то от него было нужно, если он соизволил подойти. Следовало держаться настороже. Нельзя сказать, что он попросит у него денег (рейс просто набит миллионерами!), да и сам он не выглядел побирушкой у «трех вокзалов». А может, ему нужно нечто иное – общение, например, или он просто решил попрактиковаться в русском языке.

– Разрешите присесть? – вежливо поинтересовался иностранец.

– Присаживайтесь, – показал Всеволод на стул рядом с собой. – Не куплено.

– Ха-ха, – рассмеялся новый знакомый, присаживаясь на предложенный стул. – Я всегда знал, что русские очень большие шутники. Позвольте представиться, Майкл Хейсли. Можно просто – Майкл. А вас, как, простите, зовут, если уж мы с вами стали соседями в баре.

Всеволод ничего не имел против нового знакомого. В конце концов, не было особой разницы, как проводить время: с рюмкой в руках или с телкой в обнимку. Остроумного собутыльника можно поменять на любую женщину, тем более что они никуда не разбегутся с океанического лайнера.

– А я – Всеволод.

Подскочившему бармену новый знакомый заказал рюмку французского коньяка. Заказ тотчас был исполнен, и, сделав маленький пробный глоток, Майкл сладенько поморщился. Нечто подобное испытывает кот, отведав настой из корней валерианы.

Новый знакомый располагал к себе. От его круглого лица так и веяло неподдельным весельем. Пальцы сомкнулись в крепкое пожатие. Ладонь у Майкла оказалась пухлой, но крепкой.

– Из Москвы?

– Нет, я из другого города.

– А хотите, я угадаю, из какого именно?

Всеволод с интересом посмотрел на Майкла: новый знакомый показался ему забавным малым. Для подавляющего большинства иностранцев в России существовал только

один город – Москва. Пожалуй, еще немного они слышали о Сибири.

– Думаю, что вы даже не слышали о таком городе, – с сомнением высказался Всеволод.

– Ну, как вам сказать, я ведь некоторое время проживал в России, так что мне пришлось повидать немало городов.

– Если так, попробуйте, угадajte.

Майкл Хейсли наморщил лоб, изображая усиленный мыслительный процесс.

– Мне кажется, что такой человек, как вы, может проживать только в Сибири.

– Вот как? – искренне удивился Елизаров. – Что же во мне такого особенного?

– Там очень суровый климат. Такие крепкие экземпляры, как вы, могут водиться только там.

– Хм... У вас, Майкл, определенно дар экстрасенса. Вы угадали. Но Сибирь очень большая, там много городов, в каком именно из них?

– Дайте немного подумать... – поднял он глаза к потолку. Затем, хлопнув себя ладонью по лбу, произнес: – Ну конечно же, вы из Уренгоя!

– Так оно и есть, – искренне подивился Всеволод.

– А хотите, я угадаю, кто вы по профессии?

– Попробуйте. Было бы интересно.

– Вы – нефтяник!

– Точно! Как вам это удастся? А может, тогда скажете, кем

я там работаю?

– Вы руководите компанией.

– Ну надо же! – Всеволод хлопнул себя по коленям. – Может, вы тогда скажете, что это за компания? Ха-ха-ха!

– Название вашей компании «Прометей»!

Глаза Всеволода Елизарова расширились от удивления. Потом в них зародилась откровенная настороженность, даже лицо перекосило от неожиданной догадки: «Неужели это один из тех людей, о которых им долбили в Советском Союзе? Шпион и вербовщик. Сначала они входят в доверие, могут даже угостить дешевым ромом, чтобы потом взять потенциальную жертву на крючок». Но что-то здесь не вязалось. Он, конечно, далеко не бедный человек, а при желании может купить весь бар с дорогими напитками, включая миллионерш, что сидели сейчас за соседним столиком; но ведь не генеральный конструктор какого-нибудь секретного супероружия, не директор военного завода, не летчик-испытатель новейшего истребителя. У него нет ровным счетом ничего, кроме трубы, по которой течет газ!

А потом, с какой стати ему вербовать нефтяника? Что от него можно заполучить? Цистерну переработанной нефти?!

– Кто вы? Откуда?

Майкл Хейсли улыбнулся:

– Я из Америки... А вы испугались. Сейчас у вас такое лицо, как будто бы за вами наблюдают агенты ФСБ. Вам не стоит беспокоиться, ведь коммунистический режим давно рух-

нул. За разговоры с иностранцем вас не посадят на пятнадцать лет, как это случилось бы еще во времена холодной войны. А потом, сами посудите, какой интерес вы можете представлять для западных спецслужб, вы ведь не владеете никакими секретами. А я ведь, в свою очередь, не агент ЦРУ, я бизнесмен! И причем очень серьезный бизнесмен, и так же, как и вы, занимаюсь горючими ископаемыми. Сами понимаете, в нашем деле, как говаривал Маркс, важна прибавочная стоимость.

– Как вы узнали обо мне?

– Ха-ха! – расслабленно рассмеялся Майкл. – Вы ведь не английская принцесса, чтобы я наводил о вас справки. – Майкл продолжал обезоруживать широкой улыбкой. – О вашем существовании я узнал совершенно случайно, мне рассказал кузен, который занимается финансовыми вопросами на корабле.

– И что же он рассказал?

– Он сказал, что в круизе есть один русский, твой коллега, который занимается нефтью или газом. Пообщайся, говорит, наверняка у тебя с ним найдется немало общего и будет о чем поговорить. Дорога в этом случае не будет такой уж длительной. Вот я и воспользовался случаем. По собственному опыту могу сказать, что надоедает все, даже красивые женщины; единственное, что по-настоящему доставляет удовольствие, так это понимающий и умный собеседник.

В чем-то этот американец был прав.

– Но вы назвали даже фирму, которой я руковожу.

– Вспомните свои анкетные данные, которые вы предоставили, когда оформляли путевку. Вы написали там практически все, вплоть до названия фирмы. А ведь эти данные не являются какими-то секретными. Я так понимаю?

– Не являются, – улыбнулся Всеволод. Подозрительность сошла на нет.

Кое-что прояснилось. Никто не пытался его вербовать. Никто не предлагал ему за океаном виллу и огромную зарплату в обмен на предательство своей родины. Никто не пытался даже подложить ему в постель длинноногую блондинку (против чего, возможно, он и не возразил бы), чтобы впоследствии шантажировать компрометирующими снимками. Ровным счетом ничего такого, что могло бы настораживать. Просто встретились два мужика и заговорили о бизнесе. Примут еще пару стаканов виски, и разговор понемногу сойдет на женщин.

Почему бы и нет?

– Ну, вот видите... Вы, кажется, предпочитаете виски?

– Есть такое дело, – согласился Всеволод.

– Разрешите мне угостить вас.

– Разрешаю, если это только не ведет к дальнейшей вербовке.

– Ха-ха-ха! Когда я работал в Москве, то мне казалось, что все русские очень угрюмые люди; теперь, глядя на вас, я не могу этого сказать. Шумные? Да! Но американцы тоже

не тихий народ, а это совершенно другое дело. Считаю, что вербовка завершена удачно.

– Если она проходит именно так, то я согласен. Я даже не заметил, как это произошло. А вы большой профессионал!

– О да!

– Так чем вы занимаетесь?

– Я занимаюсь новейшими технологиями. Сфера моего интереса – нефтяной и газовый бизнес. Вы даже не представляете, как далеко в этом отношении ушла Европа и Америка. Сейчас нам на пятки пробуют наступать Кувейт, Саудовская Аравия, даже Китай. В связи с этим у меня есть к вам предложение.

– Но какое отношение это может иметь ко мне?

– Самое непосредственное. Как только я продам вам передовые технологии, вы сможете значительно усилить свой бизнес. В России вам просто не будет равных, вы сможете оторваться от всех своих конкурентов.

– Но кто мне даст деньги на эти технологии? Я не так богат, как это может показаться со стороны.

Подняв указательный палец, Майкл Хейсли подозвал бармена.

– Я вас слушаю, сэр.

– Вот что, дружок, открой нам бутылку «Горы Шотландии» и можешь быть свободен.

– У вас хороший вкус, сэр, – одобрительно кивнул бармен, доставая пузатую бутылку с переливающейся наклейкой.

– Просто я предпочитаю все самое лучшее, – сдержанно отозвался новый знакомый.

Бармен достал два фужера, теперь уже другие – каплевидной формы, налил осторожно, как если бы опасался, что тяжелый насыщенный ароматом раствор способен расколоть крупную рюмку. И, неслышно поставив бутылку, тотчас отошел в противоположный конец стойки. Обслуживающий персонал вышколенный, других тут просто не держат. Чтобы попасть на такой лайнер даже в качестве ассенизатора, претенденты проходят нешуточный отбор.

– Вдохните аромат, – предложил Майкл и бесстрашно сунул острый нос в рюмку: кончик едва дотронулся до зыбкой поверхности.

Всеволод поступил значительно сдержаннее, лишь прибрилизил нос к самому краю рюмки и шумно потянул ноздрями.

– Не правда ли, замечательно! Так могут пахнуть только высокогорные луга Шотландии.

– Мне не приходилось там бывать, но я вам охотно верю, – согласился Всеволод.

Этот иностранец – большой чудак; вместо того чтобы проглотить виски одним махом, он решил прополоскать в напитке свой большой нос.

Всеволод отпил сдержанно, как если бы опасался обжечься.

– Так на чем мы остановились? – поставил Майкл фужер

на стойку. – Ах да, вы говорили о деньгах... Стратегию развития вашей компании лично я вижу таким образом: вы покупаете газовые компании, аналогичные вашей.

– Это совсем не просто! На это нужны большие финансы.

– Выслушайте меня внимательно... Мы уже проводили исследования, технологии не будут стоить дорого. Вряд ли кто откажется от тех денег, которые вы им предложите. Вы предложите людям вполне обеспеченную жизнь, причем безо всяких хлопот. У них возникнет сознание того, что жизнь удалась.

– Но деньги?

– Они у вас будут, это вас не должно беспокоить. Я стану вашим инвестором и помогу вам скупить все те газовые компании, которые находятся в вашем регионе. То есть через каких-то пару лет вы станете самым могущественным человеком Сибири. С вами будет считаться не только местная власть, но и федеральная. А все потому, что в ваших руках вместе с деньгами будет сосредоточена и реальная власть.

– Если это звучит как предложение, то оно очень заманчивое, но вы же не добрый волшебник, наверняка вы потребуете в обмен нечто существенное. Может, мне надо кого-то убить? Ха-ха!

– Вы проницательны. Хочу заметить, что ни одно убийство не стоит таких денег, – Майкл поморщился. – Разумеется, таких подарков просто так никто не делает. Я бы попросил у вас контрольный пакет акций.

– Однако вы...

– Не торопитесь говорить «нет». Вы, со своей стороны, ровным счетом ничего не теряете. Ваша доля в компании будет очень значительна. В свою очередь, я освобождаю вас от многих хлопот. А потом, без моих денег и технологий, по которым будет выстраиваться производство, все наши рассуждения просто беспочвенны.

– Что это за технологии?

– Вы перейдете на автоматическое компьютеризированное откачивание газа, что позволит нам проводить добычу с наименьшими энергозатратами. А это, в свою очередь, позволит сэкономить миллионы долларов. В дальнейшем мы разработаем для вас программное обеспечение для турбин и насосов.

– Хорошо, я согласен.

– Но сначала мы с вами напишем соглашение. У нас можно писать соглашения и контракты прямо на ресторанных салфетках, – улыбнулся Майкл. – Знаю, что у вас такие вещи не проходят, поэтому предлагаю оформить документы, как только мы ступим на берег. А вы еще раз продумайте мое предложение. Уверяю вас, в накладе вы не останетесь. Мы же с вами встретимся еще раз и обдумаем все детали предстоящего контракта. А теперь давайте выпьем виски. Он здесь просто восхитителен!

Расставшись с Всеволодом Елизаровым, Майкл купил в баре бутылку легкого вина и направился к себе в каюту.

Майкл Далтон не шиковал. На корме корабля у него была каюта в двадцать квадратных метров. Напротив иллюминатора – широкая кровать, тумбочка с настольной лампой, туалет и душевая кабина. Собственно, все самое необходимое. Но главное, у него имелся свободный выход в Интернет, что отсутствовало в каютах по соседству, так что в любое время он мог связаться со штаб-квартирой ЦРУ.

Был большой соблазн прихватить с собой еще и милую блондинку, что отиралась в углу бара, бросая на него красноречивые взгляды, но все-таки с приятными приключениями он решил повременить: в конце концов, за то время, пока они будут пересекать Атлантический океан, у него будет возможность познакомиться поближе с подавляющим большинством здешних блондинок.

Закрыв дверь каюты на замок, Майкл Далтон сел за компьютер и вошел в Интернет. Подумав, он уверенно застукал по клавишам: «Персональное досье. Елизаров Всеволод. Двадцать семь лет. Место рождения – Москва. Вышел на контакт с объектом. Его возможность как агента чрезвычайно высока. Характеристика: весьма активен, умен, легко идет на сближение. Перспективен, амбициозен, стоит про-

двигать на ключевые позиции в организации... К уязвимым чертам характера следует отнести чрезмерное честолюбие и любовь к женщинам. Предпочитает высоких брюнеток. Имеет склонность к риску – важно в продвижении масштабного проекта. Внушаем, что можно использовать для внедрения в создаваемую организацию своих агентов влияния».

Где-то внутри его продолжали буравить сомнения: не исключено, что объект к вербовке недостаточно готов, в случайно подвернувшемся контактере он видит всего лишь собственную выгоду, даже не предполагая о том, какие гигантские структуры находятся ниже ватерлинии. Следовало бы потратить на него еще полдюжины бутылок хорошего виски, чтобы узнать все его пристрастия. Не исключено, что за простоватой внешностью сибиряка скрывается хитрец, каких поискать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.